

Birmingham
Festival
Theatre
presents

QUARTET

Written by
Ronald
Harwood

Annotation

Пьеса в 2-х действиях.

- [Рональд Харвуд](#)
 -
 - [Действующие лица](#)
 - [Действие первое](#)
 - [Действие второе](#)
-

Рональд Харвуд
Квартет

Пьеса в 2-х действиях

Quartet by Ronald Harwood

Перевод с английского Романа Мархолиа

Действующие лица

СИССИЛИЯ РОБСОН / Сисси/

РЕДЖИНАЛЬД ПЕЙДЖЕТ / Рэджи. Рэдж./

УЛФРЭД БОНД — /Уилф/

ДЖИН ХОРТОН — бывшая жена Рэджи.

Место действия — дом для престарелых артистов оперы в сельской местности графства Кент. Всем персонажам пьесы уже за семьдесят.

Действие первое

Июньское утро. Около полудня. Жара. Музыкальный салон. Уютный, но довольно беспорядочно обставленный. Здесь: маленький рояль, большое зеркало, ширма. Фотографии или портреты Верди, Бичема, Пуччини, Сольти, Моцарта, Карузо, Бриттена, Каллас, Гобби, Джеран Эванс. Двухстворчатое окно до пола, выходящее на маленькую веранду. Застекленные двери ведут на узенькую террасу. На веранде Сиссилия Робсон / СИССИ /, крупная женщина, сидит и слушает оперу через наушники, которые присоединены к CD плееру. Она, то блаженно улыбается, то шепчет слова, то беззвучно подпевает мелодиям, которые слышит, конечно, только она сама.

На скамейке сидит РЕДЖИНАЛЬД /РЭДЖ / ПЕЙДЖЕТ. Он — стройный, подтянутый, аккуратный, в хорошей форме, безукоризненно одетый мужчина. Он читает книгу Эрнста Ньюмена «Изучение Вагнера». Делает заметки. Через несколько минут появляется УИЛФРЕД /УИЛФ/ БОНД. Его всегда много, во всех смыслах, одет артистически небрежно или просто, ему не важно, как он выглядит. Он пользуется тростью. Реджи поднимает глаз, видит Уилфа и возвращается к своему чтению. Сисси потеряна для общества, она вся ушла в свою музыку. Уилф сначала обращается к ним обоим, затем подсаживается к Сисси. Он что-то явно замышляет. Она улыбается. Он улыбается тоже. Она делает знак, что слушает музыку. Он одобрительно кивает. Затем:

УИЛФ. Сисси, можно, я скажу тебе, что твои груди, самые великолепные из всех, какие я когда-либо видел?

Никакого ответа, естественно, от Сисси. Реджи устало вздыхает.

На самом деле, все твое тело заставляет меня содрогаться от страсти.

Уилф смотрит на Реджи, в надежде на реакцию, но безуспешно.

Я скажу, чтобы я хотел с тобой сделать. Я бы хотел взять тебя внезапно, когда ты нагибаешься, чтобы надеть свои медицинские чулки. Тебе бы это понравилось, не так ли?

РЭДЖ. Пожалуйста, Уилфред, Я же просил тебя...

УИЛФ. Чего не скажешь о Сисси. *(Ему нравится процесс. Продолжает, обращаясь к Сисси)* А ведь ты всегда была немного распутной, не так ли, Сисси? По моим собственным наблюдениям много лет назад, я могу утверждать, что тебе нравится, когда тебя насилуют, не так ли?

РЭДЖ. Перестань, Уилф, я тебя вежливо об этом прошу.

УИЛФ */продолжает/.* Рабочие сцены, осветители, вот на кого ты западала. Тебе не нравились твои друзья артисты, ими ты пренебрегала. Ты и меня не замечала. И Реджи. Правда, говорили, что ты сыграла разок или два на флейте у Френка Уайта. Несчастный педик. Тебе стоило потрахаться со мной, в те безвозвратно ушедшие деньки. Конечно, я не был диким жеребцом, но тебе бы понравилось, это точно. Ты всегда была в моем вкусе, и тогда и сейчас.

РЭДЖ. Да, прекрати же, Уилфред, ты начинаешь повторяться. Гарцуешь, как жеребец уже целую неделю.

УИЛФ. Знаю и ничего не могу с этим поделать. Я оживаю, когда говорю скабрзности Сисси. На сегодняшний день, это, пожалуй, единственное, что меня заводит. Да, я думаю о сексе дни и ночи напролет. Это все должно было давно уйти в прошлое, но не уходит. Может, я какой-то ненормальный? Взглянув на женщину, я тут же представляю, как раздеваю ее, и начинаю делать с ней ужасные вещи. Или она со мной. Даже такая, как наша сестра — хозяйка. Пропащий я человек. С Сисси было сложно, потому, что для вдохновения ей надо было окунуть свои крылышки в грязь, прямо перед выходом на сцену. Я был слишком рафинирован для нее. *(Хихикает)* Мы понимаем, что это нужно было для голоса, да, Сисси?

Отворачивается от Уилфа и продолжает читать.

РЭДЖ. Уилф, это гадко, я прошу тебя остановиться.

УИЛФ. Это все так, просто вспомнилось... Рэджи, Рэджи, а теперь внимание, мои поиски увенчались успехом. Я нашел подходящий вопрос, к тому ответу, что она произносит всякий раз, снимая наушники. Ты думаешь, это было легко? /к Сисси/ Сисси, позволь мне и Реджу поразвлечься с тобой. Пойдем на свежий воздух, на травку, ножки врозь, штанишки вниз. Согласна, Сисси?

Он похлопывает ее по руке. Сисси снимает наушники.

СИССИ. Я готова.

УИЛФ /в восторге/. Вот! Что я тебе говорил? «Я готова!».

Рэдж не может сдержать улыбку.

СИССИ. Что здесь смешного?

УИЛФ. Ничего, ничего. Что ты слушала?

СИССИ. Нас, конечно. «Риголетто». Мы были так хороши. Почему ты прервал? Что-нибудь срочное?

УИЛФ. Уже и не помню.

СИССИ. Слава Богу, не одна я все забываю...

РЭДЖ. Это интересно!. /Читает./ «Вопрос могут или нет поэзия и музыка сосуществовать равноправно будет обсуждаться в этой главе ниже. Сейчас, важно отметить, что применять термин „поэтический“ для обозначения основного импульса для всех искусств будет ошибкой, это приведет только к путанице»... А вы что думаете?

УИЛФ. Я думаю о том, кто же этот новенький.

СИССИ. (очень возбужденно) Что? Что? Кто-то еще прибыл? Кто? Кто? (Она отстегивает наушники от плеера и кладет его в сумочку)

УИЛФ. Если бы я знал, я бы не спрашивал, не так ли?

СИССИ. (расстроена сверх меры) Ну, почему они никогда не предупредят нас. Почему из всего делают тайну?

УИЛФ. Потому, что это лучший способ управлять нами. Секретность укрепляет власть. (Возвращается к чтению).

СИССИ. Как это неприятно.

УИЛФ. Наверняка, это важная птица.

СИССИ. С чего ты взял?

УИЛФ. Не знаю. Такое ощущение. Все время шла какая-то возня. Все о чем-то шептались...

СИССИ. Ненавижу, когда люди шушукаются за спиной. Мне всегда кажется, что они шепчутся обо мне: Сисси Робсон, Сисси Роосон, Сисси Робсон...

УИЛФ. А сегодня утром они нас так торопили с завтраком...

РЭДЖ (*вспыхивая*). Прошу в моем присутствии о завтраке не упоминать!

УИЛФ (*продолжая*). Они так настойчиво просили нас уйти с главной аллеи... были такие взъерошенные — и сам Дуче и старшая сестра, матрона. Вот я и решил: прибывает какая-то важная персона.

СИССИ. Но почему ты со мной не поделился. Не сказал ни слова. Никто больше об этом и не подозревал. Рэджи, ты знал?

РЭДЖ (*продолжая свое*). Я уверен, что все-таки прав. Поэзия не может быть основным импульсом всех искусств.

УИЛФ. Перестань зудеть, Рэджи! Вместо своего Вагнера почитал бы лучше Кама Сутру...

СИССИ. Рэджи таких книг не читает, потому что он истинный джентльмен, чего не скажешь о тебе, Уилф!.. Рэджи, я так рада, что ты благополучно вернулся из Карачи-

Рэдж и Уилф обмениваются взглядами с некоторым недоумением. Пауза.

РЭДЖ. Мне так хотелось хоть раз в жизни спеть Тристана или Зигфрида. Но все это проплывало мимо меня.

УИЛФ. Вагнера поют идиоты иностранцы. Наши лучше всего исполняют британских композиторов — например, Россини, Доницетти, Джузеппе Верди.

Рэдж улыбается.

СИССИ. Я где-то читала, что если бы Джузеппе Верди родился в Англии, его непременно назвали бы Джон Грин. Но разве с таким именем можно сделать карьеру?

Никто, кроме нее не смеется.

Вообразите себе «Реквием» Джона Зеленого. Кто бы слушал такое с благоговением.

РЭДЖИ. Кстати о Верди, Есть у вас какие-нибудь мысли о гала-концерте десятого октября...

УИЛФ. Думаю, что каждый должен выступить соло.

РЭДЖ. А если трио?

СИССИ. Трио? Но какое? Лучше б из старого репертуара. Не думаю, что осилю что-нибудь новое...

РЭДЖ. Давайте обсудим это на специальном заседании. /Делает в блокноте пометки./

УИЛФ. Ох уж эти твои заседания? Неужели мы просто не можем договориться?

СИССИ. А все-таки, дурно с их стороны было принимать новенького, не посоветовавшись с нами.

РЭДЖ. Все законно. Кто нас обязан спрашивать? Они же здесь хозяйева, а не мы.

УИЛФ. Рэджи прав. Мы приходим и уходим, а они здесь на века. И когда наши голоса будут петь в небесном хоре, кто-то займет и наши комнаты. Так устроен мир. Лоуренс Тимс покинул этот берег месяц назад и сейчас, как говорится, возможно, поет дуэтом с Марией Калласс. Мы предполагали, что его заменят. Мы же все говорили об этом.

РЭДЖ. Да, старые уходят, новые приходят. Надо с этим смириться.

Пауза.

СИССИ. Как я рада, Реджи, что ты благополучно вернулся из Карачи. Я не говорила, что получила небольшой гонорар за «Цирюльника»? *(Встает)* Надо бы узнать, кто этот новенький. *(Уходит)*

Уилф подсаживается к Рэджи.

УИЛФ. Почему Карачи?

РЭДЖ. Не знаю.

УИЛФ. У нее там родственники?

РЭДЖ. Ее отец служил в Индии. На прошлой неделе она поздравила меня с возвращением из Бадлей Салтертона.

УИЛФ. Ты ведь заметил. Она стала немного того. Я беспокоюсь за нее. Не хотелось бы, чтоб ее отсюда отправили.

РЭДЖ. Нет, боже упаси...

УИЛФ. Дорогая Сисси. Ее лицо до сих пор как у ребенка, без морщин и такое невинное. А ее улыбка может сиять в самой темной комнате. Когда я ее впервые увидел, бог знает сколько лет назад, я подумал, что это самое сексуальное создание, которое попадалось мне на глаза. Большая и щедрая. Но, боже мой, она всегда была занята. Я пытался, но безуспешно. Она общалась тогда с театральным художником из Беснал Грин. Ты думаешь, она действительно получила что-то за «Цирюльника»?

РЭДЖ. Возможно.

УИЛФ. А кто пел Фигаро?

РЭДЖ. Дилан Морган.

УИЛФ. Проклятые иноземцы.

Они улыбаются. Уилф берет буклет «Риголетто».

Как ты думаешь, заплатят нам за нашу запись «Риголетто»?

РЭДЖ. Скорее всего. Я слышал, что она продается довольно хорошо.

УИЛФ. Действительно? Кто тебе сказал?

РЭДЖ. Не помню. Кто-то говорил.

УИЛФ /*читает*/. «Риголетто». Хорошо, что они переиздали это. Но могли бы и поместить наши портреты на обложку, а не только имена. Проклятые агенты. Хотя и так довольно мило: Хортон, Бонд, Пейджет, Робсон. Чувствуешь, что все еще жив. Конечно, мое имя следовало бы поставить в начале списка. Публика на это реагирует. Что же это были за времена, Рэджи, а? Я помню спектакли, записи музыки, все, как будто это было вчера, притом, что не могу вспомнить, что нам давали на завтрак сегодня утром...

РЭДЖ (*сердито*). Я же просил — ни слова про завтрак...

УИЛФ. Наш квартет никто не пел лучше.

РЭДЖ (*опять спокойно*). А ты прослушал диск?

УИЛФ. Нет. Мне это ни к чему... не хочу. Не хочу слышать себя молодым снова. А ты? Слушал?

РЭДЖ. Нет. По другой причине.

УИЛФ. Конечно. Какой я неловкий. Прости, что напомнил... (*Он кладет буклет на место.*) Голова шла кругом в те дни. (*Улыбается, вспоминая*) «Молодой соперник Гоби.» Обложка «Дейли мейл». И моя фотография с подписью «Уилфред Бонд — новая звезда?» Зачем тут знак вопроса, думал я. Но, как время показало, он был, увы, на месте.

РЭДЖ. Да, шум я помню.

УИЛФ. Я был знаменитым целый день. Или неделю? Прихоть изменчивой моды. Однако я обеспечил себя, и это все, что мне было нужно. У меня нет настоящего нерва, это моя проблема. Ты — другое. Ты — артист, я — ремесленник...

РЭДЖ. Твоя настоящая проблема в том, Уилф, что ты вечно себя недооцениваешь. Иногда, у тебя бывают настоящие прозрения. Я вижу это.

УИЛФ. Какой же ты хороший друг. Кстати, долг платежом красен. Я думал о названии для твоей автобиографии. «Сладкоголосый путь Тенора» Как тебе?

РЭДЖ. Неплохо.

УИЛФ. Сладкоголосый путь Реджинальда Пейджа. Это симпатично. Как продвигается работа?

РЭДЖ. Медленно.

УИЛФ. Ну и на чем ты остановился?

РЭДЖ. На своем первом уроке игры на фортепьяно.

УИЛФ. Сколько тебе было лет?

РЭДЖ. Семь.

УИЛФ. Скажи, когда дойдешь до половой зрелости. Это то, место, когда это начнет быть интересным. Да, у меня для тебя есть еще мысль об искусстве. (*Он роется в карманах*)

РЭДЖ. Видишь, не такой уж ты обыватель, каким хочешь казаться...

УИЛФ. Куда я подевал ее? Я записал, потому что знаю, что никогда не вспомню, и сунул куда-то... (*роется в карманах*)

РЭДЖ. Довольно странно. Я написал афоризм этим утром, тоже об искусстве. (*Он берет свой дневник, и ищет страницу*) Вот оно.

«Обыватель думает, что хорошо лишь то искусство, которое популярно, но искусство, которое хорошо, никогда не популярно». Это культурное кредо нашего времени. Мне кажется, довольно изящно сказано. Нет?

(Уилф не отвечает, потому что занят поисками в своих карманах.)

«Обыватель думает, что хорошо лишь то искусство, которое популярно, но искусство, которое хорошо, никогда не популярно» Как ты думаешь, точно сказано?

УИЛФ. *(смущенно)* В десятку...

Появляется СИССИ в состоянии тайного возбуждения.

СИССИ. Я знаю, кто это, я видела ее, я видела ее, ты прав, это важная персона, но ты никогда, никогда, никогда не догадаешься, кто это...

УИЛФ. Ну, говори же, не мучай нас...

СИССИ. Я видела ее, я видела ее, грозная, как сама жизнь и вдвое великолепней, чем прежде...

УИЛФ. Ну, кто же, бога ради?

СИССИ. Ты никогда в это не согласишься! Проклятие, как ее зовут..?

УИЛФ. Ну же, Сисси.

СИССИ. Провалилось. Минуточку, сейчас вспомню, начинается на Дж...

УИЛФ. Дж... Дж... женщина, надо подумать...

СИССИ. Сопрано, знаменитое...

УИЛФ. Знаменитое сопрано, начинается на Дж. Джали-Курчи.

СИССИ. Нет, нет, она умерла. Разве не так?

УИЛФ. Не удивился бы. Ну, Сисси, думай.

СИССИ. Джильда! Наша Джильда!

УИЛФ. О! Дж, Джильда, да наша Джильда. Ты имеешь ввиду Джин Хортон...

СИССИ. Наша Джильда!

СИССИ. Да! Какой ты умный! Да, Джин Хортон.

Реджи мрачнеет.

УИЛФ. (внезапно осознав) Джин Хорто? Здесь? Боже милостивый.

Затем вместе с Сисси они смотрят на Реджи, который явно огорчен и нервничает.

С тобой все в порядке, старина?

РЭДЖ. Джин? Здесь? Ты уверена?

СИССИ. Несомненно. Сам Дуче ее представлял. Он купался в лучах ее славы. Он выглядел, как кобель, которому только что сообщили, что его не собираются кастрировать.

РЭДЖ. Джин. Здесь.

Небольшая, напряженная пауза.

УИЛФ. Спокойно, Рэдж, спокойно...

РЭДЖ. Но... но как они могли сделать это, не предупредив меня? Они же знают. Это недопустимо.

Напряженное молчание.

СИССИ. Я сказала вам, что получила чек за свою Розину в «Цирюльнике»?

РЭДЖ. Это чудовищно.

СИССИ. Нет, нет, нет, заплатили мне совсем немного.

Пауза.

УИЛФ. После тебя она вышла замуж за Фредди Мильтона?

РЭДЖ. Да. А после Фредди Мильтона был Майкл Риц, а после — Майкла Рица... (он убит)

СИССИ. И она крутила с Энрико Кардинале, разве нет? Это было во всех газетах.

УИЛФ. Мне всегда казалось, что он не по тем делам...

СИССИ. Нет, он был довольно крепкий мужчина. Правда не ловкий. Ты его знал, Реджи? Он был похож на зонтик, вывернутый ветром на изнанку...

УИЛФ. Замолчи, Сисси...

РЭДЖ. Это возмутительно. Это грубо и жестоко. Они же прекрасно понимали...

УИЛФ. Возможно, и нет, ты же знаешь, какие они...

РЭДЖ. Они должны были посоветоваться со мной. Я напишу своему адвокату. Я не позволю так со мной обращаться. Что они себе думают? Я уеду. Я найду, где жить (*Он останавливается, почувствовав беспомощность.*) Но куда мне идти? У меня нет ничего. Ничего. Нигде.

УИЛФ. Ну же, ну же, старина. (*Осторожно*) Вы были вместе не долго, не так ли?

РЭДЖ (*сквозь зубы*) Нет. Не слишком долго.

Небольшая пауза.

УИЛФ. Я всегда думал, что она фригидна.

РЭДЖ. Но они должны были меня предупредить.

УИЛФ. Возможно, они не знали...

СИССИ. Если это утешение, она ужасно постарела.

УИЛФ. Сколько же ей сейчас?

СИССИ. Немного больше, чем мне...

УИЛФ (*поддразнивая*). Как? Почти девяносто?

СИССИ. Какая глупость. Намного, намного меньше. Намного. Но она выглядит столетней. Пойду узнаю, что происходит. Я вернусь...

Она поспешно выходит. Уилф подходит к Рэджи.

РЭДЖ. Я не хочу говорить об этом!

УИЛФ. И не надо.

РЭДЖ. И уж во всяком случае, не надо меня жалеть.

УИЛФ. Я? Жалеть? Да я вообще не знаю, что такое жалость.

РЭДЖ. В моем возрасте я в этом не нуждаюсь.

УИЛФ. Хочешь побыть один?

РЭДЖ. Я же сказал, мне не надо сочувствия.

УИЛФ. Я пошел.

РЭДЖ. Нет, не уходи.

Уилф мурлыкает что-то себе под нос.

И перестань мурлыкать, пожалуйста, что за отвратительная привычка.

Уилф замолкает.

Это действительно чудовищная несправедливость. Здесь было так спокойно. Так приятно. Теперь Джин. Я старался забыть прошлое. Я вычеркнул ее из жизни. Я не хочу опять этих страданий. Я научился жить настоящим. Теперь это. Это проснуться от наркоза и увидеть жуткую реальность. Вот почему мне на самом деле нравится стареть. Годы помогают тебе забыть то, что должно быть забыто. Пусть это странно, но я получаю удовольствие оттого, что мой организм все меньше и меньше зависит от мелочных амбиций, от смешной гордости. И физическое угасание ощущается естественным и неизбежным. Если честно, то меня манит эта неизбежность. Я жил скромно, еда моя была простая, позволял себе, по совету врачей, один стакан красного вина в день, иногда покупал CD и подержанные книги. Я следил за своей одеждой и никогда не носил одной и той же пары обуви два дня подряд. Моя единственная слабость- это то, что я, время от времени, покупал свой любимый одеколон. Я экономил, копил и все для чего? Для того, чтобы позволить себе без стеснения, не рассчитывая на чью-то милость, жить в приличной комнате своего собственного дома, разделяя его с мужчинами и женщинами, некоторые из которых были моими коллегами, наслаждаясь достойной и спокойной старостью. И вот появляется она и все разрушает. Я не хочу смотреть в глаза своему поражению. Это невыносимо.

УИЛФ. Развод не всегда поражение, разве не так?

РЭДЖ. В моем случае — поражение.

УИЛФ. Но это могло быть одно из таких вещей, как несовместимость характеров. Двое людей одной профессии, столкновение карьерных интересов. И вот решение жить раздельно.

Решение принимается с обоюдным желанием. И, скорее всего, в этом винить можно более ее, чем тебя, если я что-либо в этом понимаю.

РЭДЖ (*взрываясь*) Что ты в этом понимаешь? Ты был женат на одной и той же женщине тридцать пять лет. Таких, как ты с Мелиссой больше не найти.

Пауза.

УИЛФ. Я ненавижу это. Ненавижу старение. Ненавижу каждый ее мигновение. Сначала — простата и ты бегаешь в туалет трижды за ночь. Если у тебя не простата, то геморрой. Потом выпадают зубы, ты гложешь, глаза начинают слезиться и у тебя катаракта. Сначала ты не можешь вспомнить, как кого зовут, потом ты не помнишь, как зовут тебя самого. А все эти мошенники доктора... Сбейте давление, купите шагомер, может, вам вшить кардиостимулятор или вставить свиной клапан?.. не курите, следите за холестерином, со спазмами увы ничего не поделаешь и все это на авось, либо пан либо пропал, чаще пропал. А когда речь доходит до секса, то тут уж могу сказать, спили-ка ты мушку со своего кольца...

РЭДЖ. Они нашли какое-то лекарство для этого, разве не так?

УИЛФ. Да, и я попросил доктора выписать мне его. Она ответила: «А зачем Вам оно нужно?» Я ответил: «А как Вы думаете, зачем?» Она сказала: «Я выпишу Вам что-нибудь успокоительное». Я сказал, что не нуждаюсь в успокоительном, потому что и так убийственно спокоен, в этом и есть загвоздка. Она говорит: «Напомните мне, пожалуйста, сколько Вам лет?». Тут я и послал ее.

РЭДЖ. «Я гневаюсь, я полыхаю, я горю...»

УИЛФ. Точно. Ты поэт Рэджи, настоящий поэт. Как там «Я гневаюсь, я полыхаю...»?

РЭДЖ. У тебя потрясающая способность поддержать в трудную минуту.

УИЛФ. Странно, что ты это говоришь. Твоя бывшая говорила мне что-то подобное сто лет назад. Мы репетировали Риголетто, этот проклятый квартет, с адскими муками, ты тоже был с нами. Я помню Сисси. Она плакала, потому что Джин вела себя как обычно. Я хлопнул Джин по заднице просто, чтобы привести ее в чувство. И она сказала «Уилфред, ты вульгарен и груб, у тебя характер, как у мухи

це-це, но ты возвращаешь к жизни и это прекрасно. Но я буду признательна, если ты никогда больше не притронешься к моему заду».

Рэджи нехотя улыбается.

РЭДЖ. Да, как только вышла замуж за Майкла Риза. Она была на вершине славы. И вдруг остановилась. Что-то вроде этого. Она сказала, что хочет посвятить себя мужу и детям. Настоящая причина мне не известна.

УИЛФ. Ты прав, это на Джин не похоже. Из нее такая же мать, как из нашего Дуче.

РЭДЖ. Она всегда бежала от правды, бежала. Особенно, если это была горькая правда. Никакой попытки побороться с этим, просто побег.

УИЛФ. Мне пришла в голову блестящая идея, давай сбежим отсюда. Ночью. Давай совершим побег. Мы закажем такси, мистер Данворс отвезет нас, о деньгах не думай, мы потратим наш гонорар от Риголетто до того даже, как он попадет нам в руки, устроим пирушку, возьмем бутылочку виски...

РЭДЖ (*внезапно с яростью*) Эта проклятая Анжелика пять не дала мне мармелада за завтраком....

УИЛФ. (*не обращая внимания на вспышку, продолжая почти без паузы*) Мы устроим пирушку, а потом вернемся сюда, встанем напротив комнаты Джин и споем дуэт из *Искателей жемчуга*. Как тебе это?

Входит СИССИ, она в большом ажиотаже

СИССИ. Рэджи, Уилфред! Джин, во всем ее блеске!

Рэдж отворачивается. Появляется ДЖИН ХОРТОН. Она стройная, опирается на трость, но ведет себя, как гранд-дама. Одета соответствующе. Несколько взволнована и нервно улыбается.

ДЖИН. Да, да, узнаю. Так, вот, как живут поверженные боги.

УИЛФ. Бестактна, как всегда. Ничуть не изменилась.

Уилф подходит к ней, и они целуются в обе щеки.

СИССИ. Что я вам говорила? Она все еще выглядит как девочка. Это место совершенно не для тебя. Обстановка не для тебя. Мы все обветшали, а ты такая же, как была. Молодая и сияющая.

ДЖИН. Как вы добры ко мне. (*Идет к Рэджи.*) Рэджи? Это я. Джин.

РЭДЖ /отшатываясь/. Я знаю, кто ты.

ДЖИН. Не будь таким суровым ко мне, Рэджи, после стольких лет... Я этого не перенесу.

УИЛФ. Он расстроен потому, что его не предупредили о твоём приезде.

РЭДЖ. Я не расстроен...

ДЖИН. Это я во всем виновата, Рэджи. Я не хотела поднимать шума. Ты ведь знаешь, что такое пресса. Если бы они узнали, что я собираюсь провести остаток дней здесь, то стали бы злорадствовать. (*Нервно*) Какая все неловко получилось.

УИЛФ. Да все нормально.

РЭДЖ. Странно, что пресса все еще интересуется тобой.

ДЖИН. Как это грубо, Рэджи. Ты же не стал жестоким...

РЭДЖ. Ну, ты то точно знаешь, что такое жестокость, я не прав?

ДЖИН. Ты никогда не был жестоким. Ты был добрым и мягким. И застенчивым.

РЭДЖ. Застенчивость, по правде говоря, ушла в прошлое.

Неловкая пауза.

ДЖИН. На самом деле, и это, скорее всего, удивит тебя, я все еще могу произвести впечатление. Вчера вечером, я была на приеме в Ковент-Гарден. Мое появление в ложе было встречено овацией. Это так приятно. Рэдж, ну скажи мне что-нибудь приятное. Пожалуйста. Мы должны быть друзьями, если я буду жить здесь. Ну, если не друзьями, то давай, хотя бы сохраним приличие. Мне надо присесть. Мне предстоит операция на бедре. (*Она подсаживается к Рэджи. Интимно. Ему на ухо.*)

Рэджи не отвечает.

Рэджи, не усложняй ситуацию. Я знала, что ты живешь здесь, и что мое появление может вызвать неудобства, но...

РЭДЖ. Неудобства? Неудобства?

ДЖИН. У меня не было выбора, поверь мне. Поэтому, дай мне сказать то, что я хочу сказать. Прости, что я делаю тебе больно. Будь милосердным. Мы были очень разными людьми. Да. Вся неделю это репетировала. (*Рэджи не отвечает, Джин обращается к другим*) Чувствую себя, как первоклассница. Или как на первой репетиции в театре. Как хочется произвести впечатление. Расскажите, как вы здесь живете. Директор мне показался страшно обаятельным...

СИССИ. Мы зовем его Дуче.

ДЖИН. Как это мило! Дуче. Да, понимаю, понимаю. (*На самом деле, не понимает почему*) Скажу, что мне было не по себе, когда меня окружили все эти хористы. Я никого из них лично не знала, одного или двух, мне кажется, видела до этого. Потом разные оркестранты. Я думала, что встречу здесь, как бы это сказать, первачей...

СИССИ. Френк Уайт здесь, но, думаю, не надолго. Они от него избавятся. Он не здоров бедняга. Дышит на ладан. Жаль его. Даже не уверена, что он понимает, где находится. Не выходит из своей комнаты и никого к себе не пускает. Даже меня. А какая это была звезда. Сияющая. Когда-то мы были друзьями. Иногда, он позволял мне поддержать свою флейту.

Уилф хихикает.

Она была золотой и блестящей. Какие звуки он извлекал из нее, как будто пел ангельский хор.

ДЖИН. Мне показалось, что там, в углу, прятался Бобби Свансон?

СИССИ. Вполне возможно.

ДЖИН. Он сделал вид, что не узнал меня.

УИЛФ. Просто он плохо видит. Они ждали, когда его катаракта вызреет, а теперь говорят, что ждать уже бесполезно. Нужна хирургическая операция. Проклятые врачи.

ДЖИН. Маленький забитый человечек. Похож загнанную жертву.

УИЛФ. С Бобби все в порядке, просто он немного не в духе, только и всего. Он такой же, как и другие. Просто он любил покомандовать. А сейчас ему этого не позволяют. Но он был потрясающим, действительно.

ДЖИН. Да, кое-кто, кого я знала, Энрико Кардинале, вы должны его помнить, был под большим влиянием Бобби. Я уже не помню, что их связывало, но Энрико постоянно нуждался в опеке. Больше, чем другие. Ну и, естественно, мне всегда казалось, что он и Бобби... *(он останавливается на полуслове)*

СИССИ. У всех есть свои территории, маленькие пространства, где мы собираемся и считаем их своими. Это наше пространство. Эта маленькая терраса и музыкальная комната. Когда я появилась здесь, то на стенах ничего не было, кроме натюрмортов с мертвой рыбой, мертвой птицей и артишоками. Очень депрессивно. Но мне позволили все поменять.

ДЖИН. Да, вижу. Вкусом ты никогда не отличалась.

СИССИ. Нам приятно думать, что мы здесь избранное общество.

УИЛФ. Элита, вот мы кто, элита!

СИССИ. И когда я говорю добро пожаловать в наше сообщество, я уверена, что меня поддержит каждый.

РЭДЖИ. За меня не говори, пожалуйста.

УИЛФ. Но ты должна признать наш девиз НЖС — Никакой жалости к себе. И есть два вопроса, которые ты не должна задавать: как вы себя чувствуете и что собираетесь сегодня делать? Это все, что тебе надо запомнить.

ДЖИН. Должна признаться, что давно меня не принимали так радушно. Когда я шла по столовой, то все приветствовали меня, как знакомые. Даже немного поаплодировали. Это так приятно. Совсем, как в другой день, в оперном театре, на торжественном вечере. Тогда я вошла в свою ложу, и меня встретила овация в зале. Это ведь кое-что?

СИССИ. Однажды в Нью-Йорке мне тоже аплодировали стоя.

УИЛФ. Даже, если тебе аплодируют сидя Нью-Йорке, то это уже нечто.

ДЖИН. Какой у вас здесь замечательный сад. Мне так нравятся эти гиацинты, дигиталисы. А какие розы...

СИССИ. Если бы ты видела этот сад прошлым месяцем. Полиантусы, незабудки. Такого не увидишь и в Карачи.

(Джин косится на нее)

ДЖИН. Слава богу, подул веток. Мне так жарко. Хотя я хорошо переношу жару. А тебе с твоим весом, наверное, не легко? Мне так нравится печься на солнце дни напролет.

СИССИ. А за золотым пляжем парк с колокольчиками, мы там часто гуляем. Не без присмотра, конечно. Тебе надо бы взять пейджер у заведующей. Этим сезоном колокольчики были просто чудо. Но сейчас их уже нет.

ДЖИН. Как и нас.

СИССИ, Ты не должна так говорить, Джин. Мы так счастливы, что живем здесь. Все вместе, рядом. Конечно, порой и здесь случаются депрессии, со всеми всхлипами и стонами, но тогда человека отсюда выселяют, если он слишком плохо себя чувствует или если он «того», такое не часто, но случается, Почему? Здесь все должно быть приятным глазу. Люди приходят и уходят, новые лица, старые знакомые, новые интересы, фитнес классы, ПТ, что значит профессиональные терапевты, различные лекции, много интересного. И для таких, как я, которая никогда не была замужем, никогда не имела детей, и у которой все близкие и дорогие далеко, это место прост о послано богом, рай земной, ярмарка сверкающая праздничными огоньками. И люди здесь такие интересные, такие удивительные. Один из них, драматический тенор, забыла его имя, ты должна с ним познакомиться, пел партию Отелло с Дездемоной, которая, ты не поверишь темнокожая певица из Ганы. Разве это не прелестно? В чем сюжет оперы, понять никто не мог совершенно.

УИЛФ. У нас тут еще есть довольно brutальный садовник, не так ли Сисси? Откликается на имя Нобби. Работает обнаженным до пояса, играет мускулами, обливаясь потом.

СИССИ. Мне нравится запах мужского пота.

УИЛФ. Я про тоже...

СИССИ. Я могу часами наблюдать за тем, как он работает.

УИЛФ. Осторожно, Сисси, это может не понравиться твоему кардиостимулятору.

СИССИ. От Френка Уайта пахло медом.

УИЛФ. Я был удивлен, услышав, что ты здесь, Джин. Последнее, что я слышал о тебе, это то, что ты живешь на Итон сквере.

СИССИ. А наш бассейн они тебе показали? Вода в нем всегда двадцать градусов. Я плаваю каждое утро.

УИЛФ. А я наблюдаю за ней. Это единственная моя зарядка.

ДЖИН (*интимно*). Рэджи, пожалуйста, скажи мне что-нибудь. Я так.

Так хотела увидеть тебя снова. Правда. Не надо вспоминать прошлое. Что было, то было. Давай, просто будем друзьями. Раз и навсегда. (*Рэджи не отвечает. Джин обращается к остальным*) Надеюсь, здешние обитатели говорят не только о своих прошлых успехах. Или поражениях, может быть. Мне кажется это скучно, не так ли? К тому же, это признак старости, меня это пугает. Начинаешь все время повторяться. Мой бывший муж повторялся все время.

РЭДЖ. Который из твоих бывших?

ДЖИН. Найджел. Найджел Харрис.

РЭДЖИ. Это был четвертый или пятый?

ДЖИН А как здесь кормят?

УИЛФ. Отлично, если ты предпочитаешь унылую жареную баранину и сладкий крем с комочками. Иногда их подают вместе.

РЭДЖИ. Кем был Найджел Харрис?

ДЖИН. Как давно вы здесь все вместе?

УИЛФ. Почти год, я...

СИССИ. Девять месяцев...

Рэджи не отвечает.

УИЛФ. А Рэдж у нас новичок. Ты здесь в заточении, сколько, месяцев шесть, не так ли?

ДЖИН (*Уилфу*). Мне так жаль, я слышала, что твоя жена умерла. Белинда, ее звали Белинда?

РЭДЖ. Ее звали Мелисса. И она очень меня любила. Терпимая. Понимающая. Они были женаты тридцать лет.

УИЛФ (*отвернувшись, расстроено*). Прекрати, Рэджи, прекрати это, старина.

Короткая пауза.

ДЖИН. А что я слышала насчет десятого октября? Ваш директор сказал, что уверен, что комитет, он, по-моему, сказал именно комитет, будет просить меня выступить. Я понимаю, что у вас тут готовится какой-то концерт? А что это за дата десятого октября, он не объяснил.

УИЛФ. (успокоившись, повернулся) Праздничный юбилейный концерт.

ДЖИН. А чей юбилей?

СИССИ. Джо Грина.

ДЖИН. Мне кажется, я его не знаю.

СИССИ. Да, нет же, нет, я все объясню. Комитет по проведению праздничного концерта. Я его член. Седрик Ливингстон — его председатель. Меня привлекли спустя неделю, после моего прибытия сюда. Им нужен был кто-либо пободрее. Рэджи мог бы быть председателем, и мы все хотели его выбрать, но Седрик держится за кресло. Это так занято, мы пишем протоколы, есть выступающие, разные ритуалы, мы чувствуем, что все очень важно, и вот мы готовим концерт ко дню рождения Верди каждый год. Джо Грин. Джузеппе Верди. Ты не понимаешь юмора?

ДЖИН. (Она не понимает) Да, конечно.

СИССИ. У него день рождения десятого октября и мы отмечаем его. Потом мы немного отмечаем дату Томи Бичема, только никогда не помню день рождения это или смерти, Бена Бриттена, даже Моцарта не забываем. Мы все время чем-то заняты. Сама увидишь. И каждый что-то должен что-то сделать. Этот концерт будет первым нашим общим праздником. Все хотят, чтобы Рэджи спел «Сердце красавиц», да Рэджи?

Рэджи не отвечает.

ДЖИН. Я влюбилась в Рэджи, когда впервые услышала, как он это исполняет.

СИССИ. А гвоздем программы у нас будет Энн Ленгли. Она исполнит партию Виолетты.

ДЖИН. Энн Лэнгли? Здесь? Думаю, что она здесь пользуется успехом.

СИССИ. Будет, когда споет свою Виолетту.

ДЖИН. Она все такая же грузная?

СИССИ. У каждого своя конституция.

ДЖИН. Ну, не знаю. К тому же, мне всегда казалось, что ноты в ее верхнем регистре звучат, как крик совы при родах. Рэджи, ты не хочешь прогуляться со мной и показать мне сад?

РЭДЖ (страстно). Оставь меня в покое, Джин! Ради Бога, оставь меня в покое...

Джин рыдает.

Прости меня. Извини. Не обращай внимания. Меня всегда учили, что истинный джентльмен тот, кто даже случайно, не может быть грубым. У меня просто вырвалось. Это было недостойно.

ДЖИН (сквозь слезы). Мне столько пришлось пережить. Меня приняли сюда из милости...

УИЛФ. Как и меня, и Сисси. Как и большинство из здешних обитателей. Не надо стыдиться этого, с кем ни бывает.

РЭДЖ. Со мной не бывает. Я сам за себя плачу.

УИЛФ. Рэджи, Рэджи, НЖС, НЖС.

Он улыбается, тихо напевает. Джин продолжает всхлипывать. Рэдж протягивает ей безупречно чистый носовой платок. Она утирает слезы, хочет вытереть нос, но останавливается, когда чувствует запах от платка.

ДЖИН. Тот же одеколон. 4-7-11. Не знала, что ты по-прежнему его покупаешь. Боже, это возвращает меня в прошлое. Это возвращает меня к тебе, Рэджи. Запахи для меня — тоже, что для Магдалена для Пруста.

СИССИ. (тихо, Уилфу) Что это за Магдалена?

Уилф пожимает плечами.

ДЖИН. Запахи и музыка, конечно.

Джин возвращает платок Рэджи. Они улыбаются друг другу. Уилф замечает это.

УИЛФ Сисси, я вижу, что Нобби отправляется в цветник. Он снял свою рубашку...

СИССИ (*Притворно равнодушно*). Где?.. Что-то не видно....

УИЛФ. Он скрылся за деревом.

Уилф беззвучно хмыкает. Сисси быстро уходит. Уилф торжествует.

УИЛФ (ухмыляется). Пойду посмотрю, не пришел ли последний номер журнала «Эротика».

Уходит. Пауза.

РЭДЖ. Я даже не помню, когда ты плакала.

ДЖИН. Мама меня учила, никогда не показывать людям свои переживания. Рэджи, нам надо кое о чем договориться.

РЭДЖ. Твоя мать умела скрывать свои чувства. Ей это было легко. У нее их. Когда я впервые встретил ее, то думал, что она никогда не улыбается, потому, что у нее плохие зубы. Но я ошибался. Она показала их за обедом. Они были блестящие и даже то, что ты оставила меня. Верно, она умерла уже?

ДЖИН. Да. Десять лет назад. Нет, одиннадцать. И не говори о ней плохо. Пожалуйста.

РЭДЖ. Я любил твоего отца. Когда он услышал, что ты оставила меня, он позвонил и сказал: «Извини, старина, но поблагодари бога, я женат на ее матери... Его уже тоже нет, наверное».

ДЖИН. Да. Он умер раньше мамы. (*Маленькая пауза*) Они так мною гордились. Ни дня не проходит, чтобы я о них не думала. Твои родители мне тоже нравились. Но они не приняли меня.

РЭДЖ. Не приняли.

Пауза.

Джин. Мама тоже закончила в доме для престарелых. Я клялась, что это никогда не случится со мной, и вот я здесь. Рэджи, мы оба должны жить здесь. Что мы можем сделать?

РЭДЖ. Как говориться, сделаем, что можем. Что же еще?

ДЖИН. Прости меня, что я причинила тебе боль. Не сердись. Мы были слишком разные. Я заучивала эту фразу целую неделю.

РЭДЖ. Ты это уже говорила. Ты повторяешься.

ДЖИН. Я? О, Боже. Останови меня, если я буду делать это снова. (*Маленькая пауза*) Но, все-таки, это правда.

РЭДЖ. Что за правда?

ДЖИН. Что я очень, очень сожалею, что ранила тебя так глубоко. Меня ужасно мучает совесть. Но я была молодой и горячей. И я была так потрясена. То, что я сделала — непростительно...

РЭДЖ. Остановись, остановись, Джин остановись немедленно. Я не хочу говорить об этом, я не хочу вспоминать. Когда Сисси объявила о том, что ты здесь я среагировал очень резко, даже более резко, чем, когда увидел тебя. Глубина моих чувств к тебе была для меня неожиданно. Но уже я справился с собой. Я слишком стар, чтобы переживать заново старую историю. Я не хочу волноваться. Это слишком меня утомляет. Ты здесь. Я здесь. Ловушка. Добавить нечего.

Молчание.

ДЖИН. Я знала, что наш брак принесет несчастье в тот момент, когда отец ввел меня в храм.

РЭДЖИ. Неужели?

ДЖИН. Да. Когда я увидела священника. У него были впалые щеки и глубокие круги под глазами. Он был похож на призрак онаниста. Это был дурной знак.

Рэджи улыбается, опять через силу.

Бедный Рэджи.

РЭДЖ (*взрываясь*). Не произноси это больше никогда.

Пауза.

ДЖИН. И вот, мы оба старые.
РЭДЖ. Да, теперь мы старики.

Пауза.

ДЖИН. Как ты проводишь здесь время?

РЭДЖ. Я слушаю музыку. Я читаю. Наслаждаюсь общением с друзьями. Я их люблю. Я не хочу попасть в сумасшедший дом, поэтому я не смотрю телевизор. Я пишу свою автобиографию. Если я хочу утомить себя, то я думаю об искусстве. Если я хочу замучить себя, то я думаю о жизни. Но искусство- это моя единственная забота, его смысл, его значение, его способность учить, увлекать, воздействовать и воспитывать... *(Он внезапно останавливается, бросает взгляд на кого-то в саду; Становится злым, шипит)* Сука!

Джин поражена.

Посмотри, посмотри на нее, вот она идет, Ангелина, тюремщица в белом халате, идиотка, называет себя сестрой милосердия, посмотрите на нее, корова, толстозадая пи... Она отказалась мне дать мармелад за завтраком. Она дала мармелад всем, кроме меня, она дала мне абрикосовый джем, а я его ненавижу, она сделала это специально. Сука! Корова! *(Он смотрит, как она идет, потом, как будто ничего не произошло)* Искусство — лекарство для человечества, Джин. Но, из чего оно возникает? Прав Эрнест Ньюман, не из поэзии. Я пришел к выводу, что настоящие источники искусства — это сама жизнь. Жизнь во всем своем разнообразии, красоте, уродстве — нет, нет, не верно, слишком помпезно, претенциозно, искусственно, о, это так трудно описать...

Джин чувствует себя неловко. Старается взять себя в руки.

ДЖИН. Ты слушаешь свои старые записи?

РЭДЖ. Нет, если ты там, то не слушаю.

ДЖИН. А я себя слушаю часто.

РЭДЖ. Я так и думал.

ДЖИН. Они переиздали нашего «Риголетто».

РЭДЖ. Меня просят спеть на «Сердце красавицы» гала-концерте в честь дня рождения Верди...

И ты была моей Джильдой.

ДЖИН. Да, Сисси говорила...

РЭДЖИ. «La Donna e mobile qual plumo al Vento». Сердце красавицы склонно к измене. И образ, который у меня будет перед глазами — это ты в роли Джильды. Это будет бешеный успех.

ДЖИН. Ты слышал, как я сказала, что влюбилась в тебя, когда впервые услышала, как ты это поешь?

РЭДЖ. Меня вызывали двенадцать раз.

ДЖИН. Тебя девять, а меня двенадцать. Однажды, когда меня пригласили почетным гостем на вечер в Ковент-Гарден, и я вошла в ложу...

РЭДЖ. Ты повторяешься.

ДЖИН. Да?

РЭДЖ. И не первый раз. Хотя, какая разница? В опере мы повторяем себя бесконечно, мы повторяем, повторяем себя, все время, все время.

Он улыбается. Пауза.

ДЖИН. Мое несчастье в том, что я никогда не думала о будущем. Жила одним днем, не заботясь. Я пела, я путешествовала, я тратила свои деньгами, и деньги мужа. Когда я вышла за Найджела Харриса... *(она останавливается на полу слове)*

РЭДЖ. Чем он занимался?

ДЖИН. Продавал тряпки. Вдовец и большой любитель оперы. Он бывал на всех вечеринках. Это маленькая банальная история. Мне никогда не везло с деньгами. Мне сказали, что он очень богат. Он ухаживал за мной. Я поощряла его. Бесстыдно. Мы поженились. У него была квартира на Итон-Сквере. Он был замечательным товарищем. Однажды вечером, как раз перед рождеством, мы переодевались к ужину. Он пожаловался на трудности с желудком. Я пошла в ванную комнату за лекарствами и когда вернулась, то он лежал на полу. Его адвокат пришел ко мне. Квартира оказалась наемной. Найджел был не так богат, как меня убеждали. Я не хотела попасть сюда, поверь мне, но у меня не было выбора.

РЭДЖ. Ну а твои дети? Разве у вас с Майклом Ризом не было детей?

ДЖИН. Христофор и Эмма. Они очень милые. Ты их увидишь. Они обещали меня навещать...

РЭДЖ. Они не могут тебе помочь?

ДЖИН. Нет, Кристофер — священник...

РЭДЖИ. Священник? Неужели?

ДЖИН. Да. Играет на гитаре. Живет в Ловинстоне. Он принял приход, когда я вышла замуж за Энрике Кардинале. Ты помнишь Энрико?

РЭДЖ. Да, бас по голосу, по сути — подделка. Не везет мне на мужиков.

РЭДЖ. Спасибо...

ДЖИН. Эмма вышла за школьного учителя. Поэтому, они бедны как церковные мыши. Оба имеют детей, у меня шестеро внуков... (*она умолкает*)

РЭДЖ. И вот, ты здесь.

ДЖИН. Да. Из милости. Я, я из милости живу здесь... У меня ничего нет, Рэджи, ничего. Одежда, побрякушки. И бедро, которое приносит мне адские муки. Почему мы должны стареть?

РЭДЖ. Глупый вопрос. (*Маленькая пауза*) Почему ты оставила сцену так внезапно?

СИССИ возвращается из сада.

СИССИ. О, вы вместе! Как хорошо, что вывернулись из Карачи. Нам надо многое обсудить, поговорить вчетвером. А где Уилфред? Придется снова его искать.

Сисси уходит.

ДЖИН. Она стала очень эксцентричной...

РЭДЖ. Не, нет. Она была такой всегда. Просто сейчас ее стало немного больше.

ДЖИН. Она сказала мне нечто, что показалось мне странным. Карачи. Что это?

РЭДЖ. Да, она стала думать, что все люди только что откуда-то вернулись. Нам надо быть настороже. Мы не хотим, чтобы ее выселили отсюда. Они это так и делают, сама увидишь, если кто-нибудь становится неуправляемым.

УИЛФ появляется из музыкальной комнаты.

УИЛФ. Вот вы где. Вас ищет Сисси. Я ей сказал, что вы, скорее всего, здесь.

РЭДЖ. Нам она сказала, что ищет тебя.

УИЛФ. Да? Она была чрезвычайно возбуждена. Наверное, Хобби слишком уж обнажился перед ней. Если нет, то может она, наконец, купила свой билет в Карачи.

Рэджи улыбается.

У вас с Джин перемирие?

РЭДЖ. Не совсем перемирие. Просто маленькая передышка. Переговоры продолжаются.

Маленькая пауза.

УИЛФ. Напомните мне. Как долго вы были женаты?

Никто не отвечает. И появляется СИССИ.

СИССИ. Вот вы где, а я уже подумала, что вы все меня избегаете. У меня было для вас что-то очень важное. Но, что? Что же? *(вспоминает)* Какое-то предложение, по-моему.

УИЛФ. Нобби предложил тебе выйти замуж.

СИССИ. *(в своих мыслях)* Нет, не думаю, что это. Я помню, как я наблюдала за ним, и кто-то подошел и говорил со мной. Но кто? Одетый в шифон...

УИЛФ. В шифон? Это, конечно же, был Седрик.

СИССИ. Да, конечно, это был Седрик! Но что он сказал?

УИЛФ. «Вон отсюда, Сисси. Нобби мой.»

СИССИ. Нет, нет, что-то другое. Вылетело из головы... Ты помнишь Седрика Ливингстона, не так ли, Джин? Не такой красивый, как ты, но гораздо более женственный...

ДЖИН. Смутно...

УИЛФ. Контр — тенор. Или, точнее, кастрат. Ему за девяносто, председатель нашего комитета и настоящий руководитель. Ему бы быть паханом в тюрьме. Здесь он просто тормоз.

РЭДЖИ. Твои шуточки поросли мхом, приятель.

УИЛФ. А для чего тогда новые постояльцы, если не рассказывать им старых шуток.

ДЖИН. Пожалуйста, не называй меня постояльцем.

СИССИ. Вот что! Комитет. Седрик его председатель. Правда, он не любит, когда об этом говорят...

УИЛФ. Потому, что он никогда себя ни в чем не смеет обнаружить. Он говорил, что не хотел, чтобы его родители узнали о его ориентации. Я заметил, что они ведь уже умерли. И он ответил «Да, но тем не менее».

РЭДЖИ. Он медиум. Он верит, что люди не умирают, а просто уходят в соседнюю комнату.

ДЖИН. Можете передать ему, что я смотрела в соседней комнате и там никого не нет.

СИССИ. Но, что, что же он хотел? У меня это было минуту назад. Да! Да, да вспомнила, вот. Это так волнительно. Он хочет, чтобы мы спели наш квартет из Риголетто. На юбилейном концерте 10 октября.

Маленькая пауза.

ДЖИН. Ужасно глупая затея.

СИССИ. Но это же большая честь, Джин.

ДЖИН. Большая честь? Мы четверо, престарелых инвалидов, поем квартет из Риголетто, это — безумие.

СИССИ. Но мы обязаны что-нибудь исполнить на этом вечере.

ДЖИН. Почему?

СИССИ. Потому что так, вот почему. Каждый что-нибудь готовит. И наш квартет из *Риголетто* был довольно известен. Я

слушала его этим утром. Мы там были очень хороши. Поэтому нас и переиздали.

ДЖИН. Если бы так.

Джин смеется, ее смех все больше и больше напоминает истерику. Спустя момент, ее смех смолкает. Пауза. Она смотрит в пространство. Уилф что-то напевает невнятно. Сисси глядит то на одного, то на другого.

СИССИ. Что мне сказать Седрику?

УИЛФ. Скажи, что шифон следует одевать только на ночь.

СИССИ. Нет, нет о праздничном концерте.

Джин внезапно встает и, прихрамывая, выходит. После ее ухода:

УИЛФ. Она была на грани срыва. Еще немного и ее хватил бы удар.

СИССИ. Джин? Никогда не поверю. И вообще, квартет, по моему, идея хорошая.

УИЛФ. Но не для троих, не так ли?

СИССИ. Мы должны постараться и убедить ее. На наших собраниях мы же все время друг друга в чем-нибудь убеждаем...

УИЛФ. Убедить в чем?

Пауза.

РЭДЖ. Никогда не думал, что я задел за живое, вот я и я взорвался.

УИЛФ. Прости и забудь, Рэджи...

РЭДЖ. Простить могу, но забыть — никогда. Бог свидетель, я пытался...

ДЖИН возвращается.

ДЖИН. Нет, это не дом престарелых, это сумасшедший дом.

СИССИ. С приездом тебя из Карачи, Джин.

РЭДЖИ. *(улыбается)* О, я думал, я был там один.

ДЖИН. Я только что была окружена толпой беззубых старух, которые твердили мне, что они в восторге от мысли увидеть меня в роли Джильды. Потом, какое-то существо, думаю, что это был Седрик Ливингстон, потому что его одеяние было похоже на сари, сказал «Квартет мы поставим в финале»...

СИССИ. Замечательно. Это будет гвоздь программы.

РЭДЖИ. А Энн Ленгли вообще вычеркнут.

ДЖИН. Давно пора. Я бы хотела, чтобы здесь поняли, что всю эту затею я считаю совершенно нелепой. Поэтому, Сисси, пожалуйста, передай это Седрику Ливингстону, Бобби Свансону, Энн Ленгли и всем другим обитателям этого сумасшедшего дома, и сделай это, пожалуйста, немедленно. Боже, почему я оказалась здесь?

Она собирается выйти. Рэджи преграждает ей путь.

РЭДЖ. Джин, я прошу тебя, не торопись. Давай обсудим это. Только и всего.

СИССИ. Я готова.

Уилф смеется.

А что здесь смешного?

РЭДЖИ. Вы все слушаете?

ДЖИН. Я не хочу делать этого, поэтому не надо и начинать.

СИССИ. Я не говорила вам, что получила чек за «Севильского»? Но они не прислали запись на CD. Разве не скоты? Я написала им...

РЭДЖ. Сисси, сосредоточься. *(Вынимает свой ежедневник)* Может, составим маленький план?

УИЛФ. Может, просто поговорим об этом?

РЭДЖ. *(листает страницы, делая пометки)* Люблю порядок во всем. Итак. Концерт назначен на десятое октября, это будет воскресенье. У нас в запасе еще максимум пять-шесть-одинадцать-двенадцать-пятнадцать недель...

ДЖИН. Вся эта идея - полный абсурд. Мы просто выставим себя на посмешище. Даже сама мысль об этом приводит меня в ужас, а я и так на грани отчаяния...

СИССИ. Да, нет же, нет, это будет забавно, вот увидишь...

ДЖИН. (*Страстно*). Я не хочу быть забавой, никаких больше забав, во мне и так все отравлено.

Маленькая пауза.

РЭДЖ. Главный вопрос — в принципе принимаем мы предложение комитета или нет?

ДЖИН. Комитет, комитет, большинство из них стояли вероятно в хоре, когда я дебютировала со своей Виолеттой и вот они здесь, на моем последнем концерте...

СИССИ. Но не Энн Ленгли, она тоже пела Виолетту и очень хорошо....

ДЖИН. О, пожалуйста, не говори ерунды. Виолетта умирает от чахотки, а Энн Лэнгли выглядит так, как будто поет Фальстафа.

СИССИ. В те дни мы выглядели по-другому.

ДЖИН. Меня не интересуют те дни.

РЭДЖ. Если мы решим петь, нам будет нужен репетитор, конечно...

УИЛФ. Боби Свансон. Он будет крайне полезен. Он все еще приличный пианист, думаю, он сумеет...

СИССИ. Я думаю, это будет выдающееся событие, мы все вчетвером поем впервые, за бог знает сколько лет.

ДЖИН. Я сказала: нет и не собираюсь менять своего решения. Это будет похоже на кошачий концерт.

УИЛФ. Я бы сказал на оргию...

РЭДЖ. Ставлю вопрос на голосование. Каково общее мнение? Будем мы петь квартет из Риголетто на праздничном концерте или нет?

УИЛФ и СИССИ. Да...

ДЖИН. (*Одновременно*) нет...

РЭДЖ. Два против одного. Мы будем петь.

ДЖИН. Твои глупые правила не для меня.

РЭДЖ. Это не мои правила, джин, это законы демократии, большинство...

ДЖИН. Вы потеряли рассудок. Вы не политическая партия. Мы четыре личности. Я не хочу этого делать и не буду, вот и все. Демократия ничто для искусства...

РЭДЖ. Увы, это правда.

СИССИ. Но это так почетно выступать в финале. Я не могла и вообразить, что буду петь в финале праздничного концерта, посвященного Джузеппе Верди.

РЭДЖ. И это стало возможным лишь только в связи с твоим появлением.

СИССИ. Давайте, начнем репетировать немедленно, сейчас, сегодня...

ДЖИН. Нет! Я категорически отказываюсь! Я не буду петь ни Джильду, ни что-либо другое. Пожалуйста, выслушайте меня.

РЭДЖ. Мы слушаем.

ДЖИН. Нет, не могу... Не знаю, как вам объяснить...

РЭДЖ. Постарайся. Нам некуда спешить.

ДЖИН. У меня просто шок, это мой первый день здесь. Не прерывайте меня, я скажу. Я думаю, что вы все согласны, что мой голос был действительно прекрасным. Я сама помню это. Я помню, что это такое слышать свой голос, летящий вдаль, свободно, да, свободно, это было, как дарованный мне свыше...

Звук гонга.

УИЛФ. Обед!

УИЛФ, СИССИ и РЭДЖ идут к выходу так быстро, как только могут. Рэджи на секунду останавливается.

РЭДЖ. Обед, Джин, поторопись, там картофельное пюре, оно может закончиться.

Он уходит вслед за другими. Джин рыдает. Затемнение.

Действие второе

Картина первая

Следующий день. Позднее утро. Тепло. Рэджи за роялем, он наигрывает одним пальцем мелодию квартета из «Риголетто». Откуда-то сверху раздается звук разбитого фарфора и вопли. Рэджи не слышит, продолжает играть.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*сверху*) Доктор Коган! Доктор Коган!

Через мгновение появляется Уилф.

УИЛФ. Что это было? (*никто не отвечает*) Похоже на Сисси.

РЭДЖ. Я не обратил внимания. Что похоже на Сисси?

УИЛФ. Кто-то визжал. Контральто. (*Что-то бормочет*) Я видел, как она плавала сегодня утром. Она была абсолютно здоровой. (*Напряженная пауза*) Если это был голос. Сисси, то нам предстоит жаркий денек.

Рэджи наигрывает мелодию снова.

УИЛФ. У меня есть идея насчет трио.

РЭДЖ. Да?

УИЛФ. Да. «Цирюльник». Сцена после бури, на лестнице. Сисси знает партию Розины. Уверяет, что за нее ей даже заплатили. Ты должен помнить Алмавиву, а я пел Фигаро миллион раз.

РЭДЖ. У меня предчувствие, что Джин согласится.

УИЛФ. Рэджи, тебя, что здесь не было? Она сказала — нет, а когда Джин говорит — нет, то это значит, что она не согласна, не так ли? Ты был женат на ней, бога ради, ты должен знать ее лучше, чем кто-либо. Она заперлась у себя в комнате и не показывается оттуда. Поэтому, когда ты говоришь, что она согласится петь Джильду, то это

все равно, как, если бы я заявил, что поимею сестру- хозяйку сегодня вечером. Этого не будет, старина, не будет.

Рэджи прекращает играть, закрывает крышку рояля.

РЭДЖ. Она звезда и звезды всегда с большой неохотой, если не сказать нежеланием, делают то, чего не хотят. Я нашел тот аргумент, который поможет ей поменять ее решение. Я верю, что мне удастся разубедить ее...

Входит Сисси в банном халате, она плачет.

Сисси...

*Она подавлена, смущена. Переводит взгляд с одного на другого.
Затем:*

СИССИ. Это так трудно хорошо о людях думать...

РЭДЖ. Что случилось?

СИССИ. Она чем-то в меня запустила.

УИЛФ. Кто?

СИССИ. Джин, конечно. Доктор Коган дала мне успокаивающие таблетки.

УИЛФ. Это в ее духе.

РЭДЖ. Расскажи нам, что случилось, только в темпе *andante espressivo*.

СИССИ. Ладно. После того, как она ушла в свою комнату вчера... или позавчера?

УИЛФ. Вчера. По-моему. Да?

РЭДЖ. Не имеет значения. Продолжай, Сисси.

СИССИ. Днем. До чая. Я постучала в ее комнату. Ответа не было. Но я услышала, что она плачет.

РЭДЖ. Она плакала? Видно, ей, действительно, плохо...

СИССИ. Я тронула дверь. Она была закрыта. Мне надо присесть, у меня немного кружится голова.

Уилф помогает Сисси присесть.

РЭДЖ. Почему ты кричала?

ИССИ. Потому что несколько минут назад я решила попробовать опять.

УИЛФ. Попробовать что?

СИССИ. Увидеться с Джин. Мне не по себе, что она так расстроена. Я не люблю, когда кто-нибудь бывает расстроен. Вы же помните, вчера за ужином, помните, какой вид был у Энн Ленгли?

УИЛФ. Она что, внезапно похудела?

СИССИ. Нет, нет, вчера вечером, Энн была на кухне...

УИЛФ. Интересно почему...

СИССИ. Она что-то там чистила, когда вдруг увидела в окно, как Джин садиться в машину, как его, из деревни...

УИЛФ. А, этот Данворс, пропахший нафталином...

СИССИ. Да, в машину мистера Данворса. И вот, спустя минут двадцать, Энн видит, как Джин возвращается назад с красиво упакованной коробкой в руках. Ну, хорошо, думаю я себе, теперь ей уже лучше, пойду и встречусь с ней после завтрака. Ну и вот, несколько минут назад я постучалась к ней. Ответа не было, однако, на этот раз, дверь была не заперта. Я просунула голову вовнутрь. «Джин, это я, Сисси». Она смотрит мне в глаза. Холодным взглядом. И затем что-то летит прямо в меня. Блюдце, я думаю. Оно разбилось вдребезги. Вот я и закричала. Доктор Коган была в это время наверху и дала мне успокаивающее. (*Замедляет речь*) Мне кажется, что оно уже действует. Надеюсь, что Джин ошиблась. Она говорила, что все отравлено... (*Она засыпает*).

УИЛФ. Как ты думаешь, почему она так расстроилась?

РЭДЖ. Кому это понравится, когда в него запускают тарелкой?

УИЛФ. Про Сисси я не говорю, это мне понятно, но Джин? Не может же быть, что ее так расстроило наше предложение спеть квартет?

РЭДЖ. Она уснула.

УИЛФ. Да.

РЭДЖ. Это таблетки.

Пауза.

УИЛФ. Как же она прекрасна во сне. Посмотри, как она блаженно улыбается. Боже, как бы я хотел просыпаться утром с такой улыбкой на устах. *(Он садится рядом с ней и смотрит на нее нежно)*. Сисси, говорил ли тебе когда-нибудь, что я хотел бы умереть, занимаясь с тобой любовью? *(подумав)* О, боже.

РЭДЖ. Что такое?

УИЛФ. Надеюсь, обошлось без кражи...

РЭДЖ. Не понял, о чем ты?

УИЛФ. Коробка. Надеюсь, что Джин не стибрила ее.

РЭДЖ. Она на мели, конечно, но вряд ли она настолько безрассудна.

УИЛФ. Да нет же, нет, дело совсем не в деньгах.

РЭДЖ. В чем же тогда?

УИЛФ. Все знают, что ЭТО начинается с мелких краж...

РЭДЖ. Что начинается?

УИЛФ. Все, как в истории с Лаурой Армстронг. Это случилось, до твоего приезда сюда.

РЭДЖ. Кто такая Лаура?

УИЛФ. Виолончелистка. У нее бедра, как у игрока в регби. Так и подмывает сбить ее с ног.

РЭДЖ. *(Нетерпеливо)* Ну и?

УИЛФ. У меня был шок, когда приехала полиция. Лаура была на заднем сидении. Ее поймали, когда она пыталась украсть черное нижнее белье и кожаный пояс. Услышав про это, я подумал, что она *Тю-тю...* Вскоре ее забрали, куда следует.

РЭДЖ. Ты имеешь ввиду в тюрьму?

УИЛФ. Нет. Не в тюрьму, в Караччи.

РЭДЖ. Караччи? О чем ты?

УИЛФ. Она съехала окончательно, причем, довольно быстро.

Входит ДЖИН, она в пеньюаре, в руках держит пакетик. Небольшая напряженная пауза.

ДЖИН. Я должна извиниться перед Сисси.

РЭДЖ. Она уснула.

Пауза.

ДЖИН. Я хочу извиниться и перед тобой и перед Уилфредом за мое вчерашнее поведение.

УИЛФ. Не припомню, чтоб ты в меня что-нибудь бросала.

ДЖИН. Не стоит смеяться надо мной. Рэджи, это подарок для тебя. *(Она протягивает ему пакет)* Ну, открой.

Он открывает. Это баночка с мармеладом.

РЭДЖ. О, Джин, мармелад. Это то, что мне нужно. *(Он отворачивается, пытаясь бороться со слезами)*

ДЖИН. Мне, также, нужно объяснить кое-что.

РЭДЖ. Ты изменила свое решение относительно праздничного концерта?

ДЖИН. Нет.

УИЛФ. *(Рэджи)*. Ну, как я и говорил.

ДЖИН. Но, у меня такое чувство, что я должна объяснить Вам, почему я против. К вам это не относиться. Вы вправе делать, что считаете нужным. Но что касается меня... У меня было время подумать...

Сисси просыпается, но не видит Джин.

СИССИ. Просто позор. Седрик сказал, мы можем надеть кое-что из старых костюмов Карл Розы. Он сказал, у кого они хранятся, но я не могу теперь вспомнить. 1961 год куда-то подевался в моей памяти. Там есть даже горб для Уилфа. Я очень надеюсь, что Джин изменит свое решение.

ДЖИН. Нет, не изменю.

СИССИ. О, Джин! Ты вернулась из Бангладеша? Тебе не понравилось в Брахмапутре?

ДЖИН. О, Боже!

Уилф смеется...

РЭДЖ. *(Пришел в себя)* Это лимонный мармелад. Мой любимый. Ты помнишь. Ты меня глубоко тронула. Такой замечательный подарок.

Небольшая пауза.

ДЖИН. Прости меня, Сисси, за то, что я сорвалась. За эти два дня я выплакала больше, чем за всю свою жизнь.

УИЛФ. Ну, теперь можно и остановиться. Мы поем трио из «Цирюльника».

ДЖИН. Постарайся взглянуть на это моими глазами. Надеюсь, что я не забуду то, что хотела сказать. (*Она собирается с духом*). Когда-то я была кем-то...

УИЛФ. Все мы кем-то были когда-то...

СИССИ. Я думаю, что я и сейчас кое-кто.

ДЖИН. Но я была самой яркой на небосклоне...

РЭДЖ. Да, да, ты была настоящей звездой, великой... мы знаем...

ДЖИН. Я была. Не мешайте мне. Мне так трудно сейчас быть искренней.

РЭДЖ. Тебе это трудно было всегда.

Джин собирается уходить.

Не уходи. Пожалуйста. Прости меня. Я не буду больше острить. Пришел мой черед постараться прояснить тебе кое-что. Я, тоже много думал об этом.

Джин останавливается.

Ты переехала сюда, мне кажется, я правильно тебя цитирую, потому что у тебя не было выбора. Это не сумасшедший дом, Джин. Во всяком случае, не больше, чем любой другой. Мы — сообщество людей одной профессии и схожего опыта в работе. Мы страшные индивидуалисты и часто ведем себя эксцентрично...

ДЖИН. Эксцентрично? Мы? Что ты имеешь в виду?

РЭДЖ. И все мы, без исключения, старики. Я всегда верил, что в чужом монастыре следует жить по его уставу.

УИЛФ. Реджи прав. Это общежитие. Почести нас ждут теперь только в крематории.

Мне здесь нравится. Не на что жаловаться, кроме сплетен. Я думаю, нам очень повезло, на самом деле, очень.

ДЖИН. Я так не считаю. Мне казалось, что остаток своих дней я проведу совсем иначе...

УИЛФ. И никто не думал. Но, раз уж так случилось, то будет лучше принять это.

РЭДЖ. Прими, пожалуйста, и нашу традицию — праздновать день рождения Джузеппе Верди 10 октября. Мы отмечаем это маленьким концертом.

ДЖИН. Это смешно и неприлично...

РЭДЖ. *(взрываясь)* Не будь такой агрессивной. Господи, ты не изменилась. Ты не раздумываешь, не слушаешь — просто прешь как бульдозер по чувствам людей, ты никогда...

ДЖИН. Да, я такая. И меняться не собираюсь. Зачем?

РЭДЖ. Да, в общем, незачем. Только, разве, тебе самой от этого могло бы стать полегче.

СИССИ. Я-то надеялась, что ее звездное сияние поугасло...

РЭДЖ. *(старается сохранять спокойствие)* Мое мнение, что вновь играть, хотя бы раз в год, перед аудиторией, состоящей из наших товарищей, обслуживающего персонала, гостей — это способ заявить, что мы существуем.

ДЖИН. Глупость...

РЭДЖ. *(все еще сохраняет спокойствие, но уже с трудом)* Это не глупость. Мы, все те, кто живет в этом доме, родились с музыкальным талантом. Наша задача состояла лишь в том, чтобы развить наши голоса. Теперь, много лет спустя, старость собрала нас здесь, и наши голоса не более чем воспоминание о прошлом. Мы сами лишь воспоминание. Но кому будет от того хуже, если мы попытаемся, конечно, не в полную меру, вернуть прошлое в день рождения величайшего композитора на земле. Ответ — никому хуже не будет. Ни нам, ни зрителям, ни Джузеппе Верди, наконец. Я уверен, что это вдохновит нас, если не сказать возродит. Снова надеть костюмы, забыть о себе, почувствовать нерв сцены, окунуться в жар прожекторов, вспомнить с трудом, на что мы были способны когда-то, это будет благотворно, это стоит того. И наши голоса, которые так несовершенно звучат сейчас, послышатся нам такими же, какими они были тогда, в те давние времена. Я просто знаю, Джин, что все так и

будет. Это поможет нам, особенно тебе, примириться с настоящим, и, что еще важнее, с будущим.

ДЖИН. С каким будущим?

Небольшая пауза.

УИЛФ. И кое-что еще. Это займет нас. Ты это оценишь. В этом есть смысл. Это поможет скоротать время, потому что время здесь, уверяю тебя, ковыляет, опираясь на палку.

Он что-то мурлычет про себя.

ДЖИН. Ты никак не хочешь понять, что я стала совсем другая...

УИЛФ. Нет, не другая. И мы те же. Мы состарились. Только и всего. Но это произошло так быстро, что мы не успели измениться. В душе, я тот же лихой парень, каким был всегда. Между прочим, я и в тюрьме сидел...

ДЖИН. А я нет. Я другая сейчас, но я уважаю память о той, которой я была...

УИЛФ. Это ужасно изматывает и совершенно бессмысленно, я бы на твоём месте забыл.

ДЖИН. Ты — не я. Когда я говорю о той, какой когда-то была, я говорю о другом человеке, в чьём теле и душе я жила. Та, другая, которой я была, когда-то сияла на небосклоне...

РЭДЖ. Ты повторяешься.

ДЖИН. О, заткнись, Рэджи... *(Она садится, старается не заплакать.)*

Со временем сияние тускнело, а теперь и вовсе угасло...

СИССИ. О ком мы говорим сейчас?

РЭДЖ. О Джин Хортон. Вот о ком.

ДЖИН. Да, Джин Хортон была такой. Я чту память о ней и не стану делать ничего такого, что ее опорочит. Поэтому, даже сама мысль о том, что я должна сейчас стараться... не могу представить. *(Она борется со слезами. Рэджи протягивает ей носовой платок.)*

РЭДЖ. Будет, Джин, будет. Не зацкливайся на этом. Посмотри, хоть раз в жизни, правде в глаза. Мы еще живы, но нам осталось не слишком много. Так живи на полную катушку. Каждый день, каждый

час, каждое мгновение. К дьяволу ту Джин, которая была тогда. Живи сейчас, ради бога. Мы живы. Давайте отпразднуем это. Мы ведь артисты и живем для того, чтобы праздновать жизнь. Что мы еще умеем? Это наше призвание. Пой с нами...

(Внезапно он видит кого-то; становится злым)

Анжелика! Анжелика! *(он хватает баночку с мармеладом и вертит ее демонстративно, победоносно шипит; поворачивается опять к Джин)* Да, пой с нами, и я обещаю — ты никогда не пожалеешь об этом. Никогда. К дьяволу тех, кем мы были когда-то.

ДЖИН. Когда кто-либо из вас пел в последний раз? Не в своем воображении, а в реальности? Кто-нибудь слышал себя недавно? Имеете ли вы хотя бы представление о том, какие звуки издаете сейчас? Вы что, действительно, хотите, стать посмешищем?

Неловкое молчание.

СИССИ. Может, она права, Рэджи, как ты думаешь? Мы сошли с ума? Все отравлено? А что, если мы звучим, как старые моторы. Я не хочу, чтоб над нами смеялись. Я не хочу, чтобы они шептали «Сисси Робсон, Сисси Робсон, Сисси Робсон».

Пауза. Джин пытается решить стоит или нет сказать правду. Наконец....

ДЖИН. Вы понимаете, что я не спела ни единой ноты уже более тридцати лет.

РЭДЖ. Почему ты ушла со сцены такой молодой?

ДЖИН. У меня не было выбора.

УИЛФ. Мне казалось, что ты как раз выбирала. Я думал, что ты решила стать женой и матерью.

ДЖИН. Я поздно родила своего первого ребенка. Мне было... сколько же мне было — больше тридцати. Спустя неделю или что-то около этого, как родился Кристофер, мне предложили петь в Метрополитен. Я согласилась. Я не пела почти целый год. И хотя я знала партию, я думала, конечно, что мне надо хорошенько поработать

Поэтому, я попросила Мону Росс поработать со мной. Она приехала, дорогая моя Мона, прекраснейший голос в свое время и такой замечательный педагог, она была в прекрасном настроении, как всегда, села за мой Стейнуэй, сыграла арпеджио или два и затем взяла аккорд. Я набрала воздух. Я старалась петь, но не могла выдать ни звука. Она ударила по клавише снова, своим указательным пальцем, у нее был всегда прекрасный маникюр, я помню, я не могла оторвать взгляда от ее пальца, ударявшего по клавише, снова и снова. Рот мой был открыт, я старалась, как могла, но не могла извлечь из себя ни звука, ничего кроме зловещего молчания. Никогда в жизни мне не было так страшно. Позвали врачей. Меня показали Норманну Ханту. Он ничего не нашел. Мои связки были в норме. Просто я не могла петь. Я была даже у психиатра. Профессор Бриттен. Он сказал, что дело, возможно, в пост-родовой травме и спустя месяц-другой все наладиться. Но этого не случилось. Ни через месяц, ни через два, ни через год, ни через два года, даже после того, как у меня родилась Эмма, не случилось вовсе. Поэтому, бессмысленно уговаривать меня спеть на праздничном концерте в честь дня рождения Верди. Даже, если бы я хотела — я бы не смогла. Я не могу петь. Я не могу петь уже много-много лет. И с этим ничего не поделаешь. Мой дар покинул меня.

Пауза.

СИССИ. Прекрасно ее помню, Мону Росс. Я всегда думала, что имя Мона не очень удачное для сцены. *(Она берет свои наушники и вставляет их в плейер. Она нажимает кнопку и с наслаждением слушает.)*

РЭДЖ. Мне всегда хотелось знать, что же было настоящей причиной.

ДЖИН. Теперь ты знаешь.

РЭДЖ. Теперь знаю.

УИЛФ. Проклятье, Джин, это ужасно. Доктора просто идиоты.

ДЖИН. Мне сказали — такое часто бывает. Актеры называют это страхом перед сценой. Хотя, какое это имеет значение. Мне пришлось побегать ради своих денег. Теперь я чувствую себя намного лучше. Как это ни странно.

УИЛФ. Мне кажется, ты просто не хочешь отдавать себя в руки Бобби Свансона, не так ли? А то мы могли бы составить тебе протекцию. Как тебе это? Он ужасный труженик, этот Бобби. *(Никто ему не отвечает.)* Тут ничего не поделаешь, старина, нам придется петь трио из «Цирюльника». Мне придется надрывать свой старый голос из-за этого. Боже, как мне надоел этот Фигаро.

Небольшая пауза.

ДЖИН. Поверьте, если бы это было хоть как-то возможно, я бы пела в дни рождения Джузеппе Верди, Тома Битчема, Бена Бриттена, и Волфганга Амадея Моцарта. Ничего я не хотела бы более чем быть способной петь так, как когда-то, слышать свой голос...

(Она внезапно останавливается, заинтересованно смотрит на Сисси, которая напевает про себя, слушая CD)

УИЛФ. Мы подумали об одном и том же?

ДЖИН. Да?

Уилф напевает про себя.

РЭДЖ. Неужели, у нас получится?

ДЖИН. У меня — да. Это единственное, что я могу.

УИЛФ. Тогда именно ТАК мы это и сделаем.

Сисси продолжает нашептывать. Затем, она останавливается CD и снимает наушники.

СИССИ. *(сияя).* Я готова.

Остальные, с восторгом смотрят на нее снова. Она очень удивленно переводит взгляд с одного на другого. Свет гаснет.

Картина вторая

Три недели спустя. Раннее утро. Тепло. В центре музыкального салона стоит театральный кофр. Спустя мгновение крадучись появляется Рэдж и запирает за собой дверь. Он садится, подключает наушники к плееру, вставляет диск с записью «Риголетто». Вставляет наушники в ухо, включает запись и, следя за партитурой, слушает оперу, периодически повторяя слова вслед за записью. Спустя мгновение, кто-то дергает дверь, пробует открыть замок. Реджи немедленно снимает наушники, выключает и прячет плеер. Он идет к двери и открывает ее, впускает Уилфа и Джин, одетых в халаты.

УИЛФ. Ключа все еще нет?

РЭДЖ. Нет.

Запирает дверь. Джин и Уилф садятся, они тоже принесли с собой плееры, наушники и записи «Риголетто». Каждый слушает CD. Следит за партитурой и произносит текст. Рэджи продолжает слушать плеер. Все трое произносят текст, не слыша друг друга, переворачивают листы партитуры и пр. Громкий стук в дверь. Уилф немедленно снимает свои наушники.

УИЛФ. Осторожно!

Джин и Рэджи резко снимают свои наушники, прячут CD плееры и делают невинное лицо. Уилф отпирает дверь и обнаруживает сияющую Сисси. Она тоже одета в халат.

СИССИ. Ключа никто не видел.

Они собираются вокруг кофра.

ДЖИН. Надеюсь, что эти костюмы еще не сгнили...

Сисси роется в своей сумочке.

СИССИ. Ну, куда же я его дела.

Остальные глядят на нее с нетерпением.

УИЛФ. Может мне обыскать тебя, Сисси, уверен, что я найду его...

СИССИ. Куда я могла его засунуть? Две минуты назад Бобби положил его мне в руку...

УИЛФ. Что он положил тебе в руку?

СИССИ. Он был на такой длинной веревочке...

УИЛФ. А...

Она продолжает поиски.

РЭДЖ. Может, он у тебя на шее?

СИССИ находит ключ у себя на груди.

СИССИ. Точно, вот он, какой же ты умный, Рэджи...

УИЛФ. Да, лучше бы я тебя обыскал...

Сисси отдает ключ Рэджи, который склоняется над кофром и старается его отпереть. Это длится какое-то время.

ДЖИН. Но ты ведь никому не рассказала о том, что мы замыслиаем?

СИССИ. Конечно же, нет. Я умею хранить секреты. Я знаю, о чем можно рассказывать, а о чем нельзя. Особенно, если это касается меня.

УИЛФ. Ты меня интригуешь, Сисси...

СИССИ. Бобби Свансон подлетел ко мне, как оса, пытаюсь ужалить. Он размахивал своей белой палкой, совсем, как регулировщик, и все спрашивал, спрашивал...

УИЛФ. О чем?

СИССИ. Он хотел знать, кто будет с нами репетировать. Я ответила, что нам никто не нужен. Он презрительно рассмеялся и сказал, ну хорошо, а кто вам аккомпанирует? Я ответила, что Рэджи. Он рассмеялся снова и сказал: «он это будет играть одним пальцем и

петь одновременно?» И тут я сказала, сама не знаю почему, но сказала «Если ты хочешь знать правду, то нам аккомпанирует выдающийся пианист», он спросил, — «Откуда?» и я ответила, — «Из Калькутты».

УИЛФ. Из Калькутты? Что он на это сказал?

СИССИ. Он сказал: «Интересно будет услышать квартет из „Риголетто“ под индийскую ситару».

Рэджд открывает кофр.

РЭДЖ. Открыл.

Он поднимает. Крышку Они склоняются над сундуком, заглядывают внутрь и тут же отстраняются.

УИЛФ. Фу! Пахнет, как от мистера Данворса.

Они начинают перебирать костюмы, трико, головные уборы и пр. Продолжают делать это в течение последующей сцены.

СИССИ. Разве это не забавно? Как будто мы нашли старинный клад на чердаке и наряжаемся к новогоднему вечеру.

ДЖИН(поднимая костюм) Интересно, кто такое мог соорудить?

УИЛФ. Не Жан-Поль Готье, конечно...

РЭДЖ. Как они все выцвели...

СИССИ. Довольно мило...

ДЖИН. Не мило, а чудовищно...

УИЛФ. Ты видишь мой горб? Ты говорила, что у них был горб, не так ли?

ДЖИН. Я не буду это надевать. Нужно найти что-нибудь современное...

СИССИ. Нет, нет, Джин! Это будет ужасно...

УИЛФ. Мне тоже так кажется...

ДЖИН. Я отказываюсь выходить на сцену в кружевах. Найдите кого-нибудь, кто мог бы сшить мне что-нибудь. Сисси, может быть ты? Судя по всему, ты обшиваешь себя сама. Сшейте мне платье, эти надевать не прилично...

РЭДЖ. Боже милостивый, на этом трико метка, смотрите, Энрико Кардинале, 1952 год.

ДЖИН. Энрико никогда не пел с Карл Розой...

РЭДЖ. Но его трико здесь.

Джин забирает трико у Рэджи.

УИЛФ. Возможно, он снял его во время своего визита. Ты же знаешь, каким он был.

ДЖИН. Как странно. Трико Энрико.

СИССИ. У него были прекрасные ноги, я помню, они так... мужественно выглядели.

УИЛФ. Это потому, что он пришивал себе гульфик. Все остальные обходились просто носками. Я засовывал туда себе целых три штуки.

ДЖИН. Не думала, что ты знал Энрико...

УИЛФ. О, да, Венская опера...

ДЖИН. Наверное, это было уже после того, как мы... (*она осекается*)

СИССИ. Это странно, но он был ужасно обаятельным....

УИЛФ. Никогда не понимал, что женщины в нем находили. Он был тощий, как фанера. Не знал нот. Бобби Свансон работал с ним и рассказывал, что у него ушло три месяца, чтобы тот выучил «Боже, храни, королеву».

ДЖИН. Он был уродливый красавец, этот Энрико. Многие женщины находили его неотразимым. Я тоже. И тот французский актер.

СИССИ. Что за французский актер?

ДЖИН. О. Ну ты помнишь, господи, как его звали...

СИССИ. Ну, намекни...

ДЖИН. С женским именем...

СИССИ. Французский актер с женским именем? Рэджи, ну ты должен помнить, у меня был с ним роман. Он снимался в том фильме, как же он называется, этот фильм?..

РЭДЖ. Какой фильм?

ДЖИН. Ты его знаешь, это фильм о войне...

УИЛФ. Это был сериал? Вообще, какая разница, на кого был похож Энрико...

Они принимаются рассматривать костюмы.

ДЖИН. Уилф, скажи, тебе не кажется, что на самом деле Энрико был гей?

УИЛФ. На такие вопросы я не отвечаю.

СИССИ. Уилф, это, наверное, и есть твой горб...

Она держит в руках небольшой кусок материала.

Он чем-нибудь набивался...

Продолжают осматривать содержимое кофра. Сисси вытаскивает платье.

СИССИ. Джин, как тебе это? Я могу его подогнать под тебя...

ДЖИН. Цвет, безусловно, мой...

РЭДЖ. Мне кажется, я нашел камзол...

УИЛФ (*стараясь пристроить «горб»*). Проклятие, как мне его нацепить?

СИССИ. (*держит в руках другой костюм*) О, посмотрите, как красиво, это мне пойдет, только надо немного расставить в поясе.

ДЖИН. Да, это намного лучше, материал хороший, наверное, я могла бы это надеть...

СИССИ. Оно твое Джин, если тебе оно нравится, выбирай сама, я надену любое...

ДЖИН. Я надену его, оно мне нравится...

РЭДЖ. Ну и ну! Туфли.

ДЖИН. Я надену свои, спасибо, меня воротит от одной мысли надеть чужую обувь. Да и все остальное должно быть отдано в химчистку.

РЭДЖ. Но это будет стоить целое состояние.

ДЖИН. Ничего не поделаешь. Я не надену этот костюм до тех пор, пока его не отдадут в химчистку.

СИССИ. У комитета есть средства.

УИЛФ. Неужели?

СИССИ. Лоуренс Тимс оставил небольшое наследство...

УИЛФ. Вот мошенник...

РЭДЖ. Но нам не сказали ни слова...

СИССИ. Но он оставил, и я могла бы поднять вопрос на следующем заседании, о том. Чтобы кое-что потратили на чистку костюмов...

РЭДЖ. Замечательно, Сисси, замечательно...

УИЛФ. У тебя не только красивое тело...

СИССИ. Как это волнительно. У меня страстное желание начать...

Они более ли менее подобрали себе костюмы и Реджи осматривает всех перед зеркалом. Рэджи хлопает в ладоши.

РЭДЖИ. Дамы и, прошу внимания. Нам многое надо обсудить: расписание репетиций, метод работы, когда назначить первую оркестровую...

ДЖИН. Не смейся, Рэджи. Здесь нет оркестра, о какой оркестровой репетиции может идти речь?

Уилф, Джин, Сисси садятся. Рэджи стоит перед ними.

СИССИ. А что, интересно-интересно. Разве не интересно?

РЭДЖ. Мы должны стремиться к совершенству. Только и всего. Нам предстоит большая работа.

УИЛФ. Какая работа? Мы все знаем оперу, мы все знаем квартет...

РЭДЖ. Мой дорогой Уилфред, никто из нас не пел уже многие годы. Если мы хотим сделать это хорошо, мы должны представить, что мы снова поем в опере...

УИЛФ. Остынь, я не такой резвый, как раньше...

Рэджи достает какие-то бумаги и делает пометку.

РЭДЖ. Во-первых, Сисси должна поставить вопрос перед комитетом о химчистке. Затем, я думаю, что мы сами должны позаботиться о своих костюмах. Включая твой горб, Уилф. Во-вторых, мы должны позаниматься и самостоятельно вспомнить свои партии. На

последней неделе августа мы станем репетировать, как минимум, дважды в неделю. К середине сентября мы должны начать репетировать каждое утро. Согласны?

УИЛФ. Каждое утро? По-моему, это слишком, Уилфи.

РЭДЖ. Это нам необходимо, поверь мне. То, что мы затеяли — не просто. Это же «Риголетто» Джузеппе Верди. А теперь, внимание, потому что-то, что я сейчас скажу очень важно. Как вы знаете, Верди сочинил эту оперу по пьесе Виктора Гюго...

ДЖИН. Жан Габен.

РЭДЖИ. Нет, Виктор Гюго!

ДЖИН. Да, нет же, нет, Жан Габен, вот тот актер, чье имя я все пыталась вспомнить, французский актер...

СИССИ. Жан Габен, конечно, красавец-урод, Жан, Джин, похоже на женское имя, на твое...

ДЖИН. Да, похоже. Почему я не могла его вспомнить? Боже, человеческая память — сплошная загадка.

РЭДЖ. Сисси. Но как назывался этот фильм?

ДЖИН. Какой фильм?

УИЛФ. Сейчас, давайте вспомнить...

СИССИ. О войне...

ДЖИН. Сейчас, как он назывался, я просто вижу это, Жан Габен...

РЭДЖ. *(Взрывается)* О, какая разница, забудьте, я не хочу об этом слушать...

СИССИ. Рэджи ну, что ты, мы же слушаем, мы слушаем, правда?

Они устраиваются. Слушают.

РЭДЖ. Как вы, может быть, помните...

ДЖИН. А как быть с гримом?

РЭДЖ. Прости?

ДЖИН. Кто будет нас гримировать?

РЭДЖ. Ты сама себя и загримируешь, а теперь, пожалуйста, замолчите...

ДЖИН. *(Вскакивает и, прихрамывая, ходит туда и обратно по комнате)* Не говори со мной таким тоном. Я никогда не гримировалась сама и сейчас не намерена...

РЭДЖ. Тогда выступай, как есть...

ДЖИН. Как это? Как? Появиться на сцене без грима?

СИССИ. Джин, я тебя загримирую...

ДЖИН. Боже, это будет самодеятельный вечер в турецкой бане...

УИЛФ. Не совсем понимаю, что это значит...

СИССИ. Я же сказала, что загримирую тебя, с удовольствием. Я буду гримировать и Энн Ленгри...

ДЖИН. Много же грима потребуется для этой физиономии...

РЭДЖ. Джин, ты чудовище! Это же Сисси Робсон, она тоже была известна в свое время, угомонись, не будь такой эгоистичной, все, чего можно добиться — это обидеть ее. Неужели, ты не можешь хоть раз в жизни быть милосердной.

ДЖИН. Нет, не могу!

Проходит мимо Уилф и внезапно отскакивает, потому что он щипает ее. Она оборачивается к нему.

Не смей этого делать.

УИЛФ. Что, что, что я сделал?

ДЖИН. Ты прекрасно знаешь, что ты сделал. Это отвратительно и вульгарно. Это сексуальное домогательство.

УИЛФ. Ерунда. Все, что я сделал, это ущипнул тебя за задницу.

ДЖИН. Совершенно верно. А тебе бы понравилось, если бы я тебя ущипнула?

УИЛФ. Мне бы понравилось. Меня никогда не щипали за задницу, не клеили, никогда не приставали ко мне. После того, как я ушел на покой, я попытался найти такую работу, чтобы подвергаться сексуальному домогательству, но безуспешно. Вы, женщины, все время жалуетесь, но кто вам мешает платить нам той же монетой?. Вы бы не услышали от нас ни одной жалобы. От меня уж точно. А как насчет тебя, Рэджи? (*Рэдж не отвечает; обращается к Джин, подставляя ей свой зад*) Ну, давай, давай, ущипни меня. Ущипни...

Тяжелая пауза. Внезапно Джин хохочет.

ДЖИН. Ты чудовище. И всегда был таким. Но ты умеешь развеселить меня, как это тебе удастся? Не понимаю. Ты — источник

жизни и это замечательно. (*Она возвращается на свое место*) Спасибо, Сисси, я буду тебе очень признательна, если ты загримируешь меня.

СИССИ. Я это могу Рэджи, если ты хочешь, я могу это сделать и для тебя Уилф...

УИЛФ. Мне бы это очень понравилось. Впрочем, и загримировать меня можешь тоже.

ДЖИН. (*Развеселившись*) Ты слышала? Он совершенно безнадежен.

УИЛФ. Я соврал. Меня щипали за задницу. Бобби Свансон. Недавно. Когда я поднимался к себе вздремнуть. Я сказал: «Бобби, я не знал, что ты влюблен, А он ответил, — Гомофоб.»

РЭДЖ. Прошу, прошу внимания.

Все рассаживаются снова.

Как вы все уже знаете, но я думаю, что лучше это повторить, опера «Риголетто» Джузеппе Верди, либретто Мария Пиаве, написана по пьесе Виктора Гюго «Король веселиться.» Позвольте напомнить вам, что сказал Гюго после того, как посмотрел «Риголетто». Вы помните, что он был возмущен успехом. Он сказал: «Если бы я только мог заставить четыре персонажей говорить одновременно в моей пьесе и имел бы зрителей способных разобрать слова и чувства, я бы достиг такого же эффекта.» А сейчас к нашему выступлению... (*Он отвлекается, видя кого-то за окном.*) Анжелика! Корова! Не смотрит на меня! Анжелика!

Он уходит за ней. Остальные надевают наушники и погружаются в музыку Верди. Затемнение.

Картина третья

10-е октября. Ранний вечер. С момента затемнения звучит «Хор протестующих» в сопровождении фортепьяно. На сцене — две гримерные комнаты, одна — женская, другая

— мужская. Костюмы в пакетах из химчистки, висят живописно по стенам. Четыре кофра стоят у ширмы. Джин сидит в соответствующем костюму нижнем белье. Она штудирует партитуру. На другой стороне — Рэджи переодевается. Уил, уже в штанах, возиться со своим горбом, который выглядит ужасно большим. Входит Сисси.

СИССИ. Я так волнуюсь. Концерт начался...

Уилф и Рэдж выглядывают из-за ширмы.

Мальчики и девочки замечательно выглядят и с удовольствием поют. Но Бобби Свансон не попадает в темп, и замедляет все больше и больше. Тенора скоро взбунтуются.

Уилф и Рэдж возвращаются за ширму. Уилф начинает накладывать себе несколько преувеличенно театральный грим. Рэджи продолжает одеваться.

ДЖИН. Ты заставляешь себя ждать. Загнимируй меня.

СИССИ. Сейчас. *(Она начинает гримировать Джин и кричит Рэджу)* Когда я закончу с Джин, примусь за тебя, Рэджи.

РЭДЖ. Спасибо, Сисси, дорогая, но мне кажется, что я справлюсь сам. Бобби Свансон любезно одолжил мне кое-что из своих кремов и румян.

СИССИ. Как это любезно с его стороны. Видишь, какие, все-таки, у нас добрые люди.

РЭДЖИ. Он надеялся, что этим подкупит меня и выведает, что мы собираемся делать. Но я был нем, как рыба.

Они продолжают одеваться.

СИССИ. Сестра-хозяйка сказала, что после каждого номера будет пятиминутный перерыв.

ДЖИН. Почему?

СИССИ. Мочевые пузыри. *(Она продолжает гримировать)* Я совершенно не нервничаю, а ты?

ДЖИН. Конечно, нервничаю. Каждый великий артист нервничает перед спектаклем. Это наша дань уважения публике.

СИССИ. Так непривычно выступить не разогревшись.

УИЛФ. Рэджи, когда у тебя появится минута, помоги мне, пожалуйста, с моим горбом, без тебя не справлюсь, старина.

РЭДЖ. Сейчас, сейчас.

Уилф направляется к своему чемодану и достает пару бутылок портера.

ДЖИН. (К Сисси). Глаза я сделаю сама, как привыкла...

УИЛФ. Хочешь выпить, старина?

РЭДЖ. Нет, спасибо.

УИЛФ. За нас. Будем здоровы.

РЭДЖ. Будем здоровы.

Уилф высовывает свою голову за ширму.

УИЛФ. За нас девочки. Будьте здоровы.

СИССИ. На здоровье.

ДЖИН. Ты ведь не пьешь перед спектаклем, не так ли?

УИЛФ. Перед этим выпью. Признаться, я всегда пропускаю одну бутылочку портера до, вторую в антракте и одну после. Это укрепляет голос.

ДЖИН(к Сисси) Зачем ему укреплять свой голос сегодня вечером, бог знает.

СИССИ. Джин, дорогая, будь добра сядь сюда, поближе к окну. Мне нужно, как можно больше света.

Джин остается стоять, морщится от боли.

ДЖИН. Только этого не хватало. Именно сегодня у меня начало ныть бедро.

СИССИ. Это нервы, все в порядке. Помнишь, как сказала доктор Коган, фантомные боли.

ДЖИН.(Сидит) Она может говорить, что хочет, я не пожелала бы этого никому.

УИЛФ. Я попрошу Сисси сделать заключительные мазки...

Рэджи уже в костюме.

РЭДЖ. Сейчас я помогу тебе с горбом, Уилф.

УИЛФ. Мне надо пришить новые лямки. Боюсь, что я сам не справлюсь. Эти не слишком надежны.

РЭДЖ. Уверен, что Мелисса всегда тебе все пришивала и штопала .. *(одна из лямок порвалась)* Проклятие.

УИЛФ. Просто, у меня это никогда не получалось.

РЭДЖ. Не волнуйся, у меня есть помощница...

УИЛФ. Какая еще помощница?

РЭДЖ. Помощница, иголка с ниткой. Обычно я воровал их в гостиницах. Тебе это не было нужно. У тебя была Мелисса. *(Он начинает пришивать оторвавшуюся лямку)*

УИЛФ. Не говори, пожалуйста, о Мелиссе старина.

РЭДЖ. Она, вероятно, настрадалась с тобой.

УИЛФ. Почему это?

РЭДЖ. Всем известно, каким ты был. Для Мелиссы это тоже не было секретом. Все твои романы. Прямо, как у герцога из *Риголетто*...

УИЛФ. Какие там романы. Я был верен своей жене тридцать пять лет...

РЭДЖ. В это трудно поверить. Признаться, все тебя очень осуждали.

СИССИ.*(Джин).* Вот, я закончила. Можешь теперь накрасить глаза.

ДЖИН. Дай, погляжу, что ты сделала...

Сисси дает ей ручное зеркало, в котором Джин себя изучает.

Неплохо. Совсем неплохо, Сисси.

СИССИ. Спасибо, Джин. Сейчас и я буду готова.

Джин принимается за свои глаза. Сисси достает из пакета платье и начинает одеваться.

УИЛФ. Мне это никогда не приходило в голову.

РЭДЖ. Что?

УИЛФ. Что люди думали, будто я изменяю Мелиссе.

РЭДЖ. Конечно, думали. Только подумай, как ты себя вел...

УИЛФ. Это очень мучает меня, по-настоящему мучает. *(Он отпивает из бутылки).* Мелисса. *(Пауза)* Они ей поставили неверный диагноз. Если бы они заметили это раньше... *(Он вздрагивает. Раскачивается.)* Разве найдешь справедливость. Проклятые доктора. *(Не большая пауза.)* Быть неверным Мелиссе? Это невообразимо. *(Опять содрогается)* Она была моим строжайшим критиком. Она любила все, что я делал. *(Он улыбается; пауза.)* Правда в том, что я только болтун. И так было всегда. Думаю об этом, говорю, но до дела не доходит. У меня просто длинный язык. Конечно, у меня были дела до нашей встречи с ней, но потом... краснеть мне не за что.

РЭДЖ. Что же это было?

УИЛФ. Влюбился в одну девицу, уложил ее в постель. Говорил, что люблю ее, и хотел услышать в ответ, что она любит меня тоже. По правде, говоря, мне кажется. Я вообще никогда не любил по-настоящему до того, как встретил Мелиссу. К тому же, я понял, что мне идет быть верным. Не большое достоинство в наши дни и для моего возраста. Но я так думал и жил и тогда. *(Пауза.)* А ты, признайся, никогда не заглядывался на противоположный пол?

РЭДЖ *(слегка улыбается).* У меня было свое...

УИЛФ. Хотел бы я это услышать. Со всеми грязными подробностями.

Рэджи заканчивает зашивать.

РЭДЖ. Вот. Теперь попробуй снова. *(Он опять прилаживает горб)* Я считал Мелиссу одной из самых привлекательных и благородных женщин, какие мне когда-либо встречались.

УИЛФ. Заткнись, Рэджи, я не хочу раскисать. Я должен собраться. И тебе бы не помешало.

ДЖИН*(Сисси).* Как тебе мои глаза? *(Сисси смотрит)*

СИССИ. Великолепно. Я могу тебе еще чем-то помочь, Джин?

ДЖИН*(взрываясь)* О, бога ради, не будь такой заботливой и добренькой, я не выношу этого.

Сисси замирает в шоке. Джин продолжает красить глаза.

УИЛФ. Под мышкой немного жмет...

РЭДЖ. Этот камзол, на самом деле, сшит из обносков.

УИЛФ. Я знаю. Но это лучшее, что у нас есть...

СИССИ(Джин). Я совсем не заботливая. Я не добрая. Я так раскаиваюсь.

ДЖИН.(*В своих мыслях*) В чем ты раскаиваешься?

СИССИ. Я была такой ветреной.

ДЖИН. Ерунда.

СИССИ. Ужасно.

УИЛФ. (Рэджу) Так-то лучше...

РЭДЖ. А теперь, примерь на камзол.

Уилф открывает один из пакетов, достает камзол и начинает его примерять. В это время:

СИССИ. Кто-то мне сказал однажды, что у меня тоска по любви, поэтому я такая... такая беспутная.

ДЖИН. Мы все тоскуем по любви. Мы все хотим, чтоб нас любили.

Она достает из пакета платье и начинает одеваться.

СИССИ. Меня отправили в Англию, в пансион. Мои родители остались в Индии. Я их еле помню. Мой отец был полковником. Его звали Клив Робсон. Он звал себя Клив Индийский. Остроумный был мужчина. Он умер перед моим окончанием школы. Мама решила, что будет лучше, если я не стану приезжать на похороны. Я осталась в Англии с тётёй Фионой. Не слишком приятной особой, к тому же, она насмерть стояла против моей карьеры певицы. И вот, мама пишет мне, что собирается вернуться домой. Но... умирает до того, как сесть на корабль. Я сказала тете Фионе: «Спасибо тебе за то, что ты сделала и до свидания.» Я никогда ее больше не видела...

К этому времени Уилф надевает камзол и выходит из-за ширмы.

УИЛФ. Как вам?

ДЖИН. Ужасно.

УИЛФ. Слишком большой?

СИССИ. Совсем немного. Ты немного похож на верблюда, который был у дурного костоправа.

УИЛФ. *(возвращается к Рэджи.)* Они считают, что он слишком большой...

РЭДЖ. Возможно, они правы. Давай посмотрим, что можно сделать...

Уилф снимает камзол, оба уменьшают горб.

СИССИ. *(ДЖИН.)* Я не хочу, чтобы ты думала, что ищу я сочувствия. Нет, нет, нет. Я помню наш девиз. Моей жизни можно позавидовать. Это так. Мужчины были от меня без ума. Конечно, я не позволяла лишнего, но ухаживания поощряла...

ДЖИН. И ты, и я, мой дорогая....

СИССИ. У меня... *(Она останавливается и собирается с духом).* Я думаю, что могу открыться тебе, я провела одну ночь с Энрико Кардинале.

ДЖИН. *(Заинтригована и удивлена)* Неужели, Сисси?

СИССИ. Да, это было, и я сожалею об этом. Он был ужасно расстроен. Как, впрочем, и все другие. Я никогда не могла... получить удовлетворения. Не знаю, как сказать это помягче.

ДЖИН. Это было, когда он жил со мной?

СИССИ. Да.

ДЖИН. Я думала, он гей.

СИССИ. Да, гей. Но хотел измениться, потому что был католиком, понимаешь? Он признался мне. Это было страшное признание. Мы лежали бок о бок в темноте, и он начал с того, что сказал «Этого раньше со мной никогда не было». Я сразу все поняла.

ДЖИН. Почему самые привлекательные мужчины обязательно геи?

СИССИ. Потому что они уважают тебя, как личность, а не используют как красивую побрякушку.

ДЖИН. Как ты думаешь, а Рэджи — гей?

СИССИ.*(удивлена)* Да нет!

ДЖИН. Почему ты так уверена? У вас же ничего не было, я знаю...

СИССИ. Конечно, нет. Он просто совсем не мой тип. Слишком мягкий и очень скрытный. Мне нравятся другой тип — мужественный. Хотя, это большая редкость среди мужчин.

ДЖИН. Ты не сможешь?

Поворачивается спиной к Сисси, которая начинает застегивать крючки на ее платье.

СИССИ. Но, почему ты меня спрашиваешь о Рэджи? Вы же были женаты...

ДЖИН. Да. Но не очень долго.

СИССИ. Сколько?

Джин вздыхает

ДЖИН. Ровно девять часов.

СИССИ. Девять часов?

ДЖИН. Ш-ш-ш. Он не должен это слышать, это было очень унизительно. И никому не говори, пожалуйста. Особенно Уилфреду. Тут мне нечем особенно гордиться.

СИССИ. Девять часов.

ДЖИН. Наша свадьба была назначена на три часа в субботний день мая. Церемония закончилась в восемь тридцать. Мой отец заказал нам апартаменты в Отеле Савой. Мы должны были провести там ночь, а наутро отправиться в Рим в свадебное путешествие. У нас был ужин с шампанским в номере. Я помню, как Рэдж ел взбитые яйца, гренки и лимонный мармелад. Около одиннадцати мы разделись, он в ванной, я в спальном комнате. Обнаженная я легла на кровать, в ожидании. Он вернулся, одетый в пижаму, и лег рядом со мной. Он выключил свет. И затем, мне пришлось тоже выслушать одно страшное признание, лежа бок о бок в темноте. Только в случае с Рэджи это было не... «Со мной раньше этого никогда не было», а... «Со мною всегда было так, и, как говорят доктора, всегда так и будет».

Пауза

СИССИ. Бедный Рэджи.

ДЖИН. Бедная я...

СИССИ. И ты ушла?

ДЖИН. Сначала, я попыталась успокоить его, подбодрить...

СИССИ. Но безуспешно?

ДЖИН. Безуспешно.

СИССИ. И тогда ты ушла?

ДЖИН. Нет, я не ушла. Я убежала. Я взяла такси, уехала в отель на Russel Square и крепко уснула. *(Пауза)* Позже, спустя годы, после многих мужей, я обнаружила, что секс слишком переоценивается. И я подумала, что это ужасно безнравственно. Мне надо было остаться с Рэджи.

СИССИ. Как ты думаешь, многие мужчины такие? Не могут и не хотят?

ДЖИН. Больше, чем нам кажется.

СИССИ. Я все время удивляюсь, как род человеческий еще сохранился. *(Маленькая пауза)* Хотела бы я услышать, что молодые сказали, если бы они могли слышать нас. Когда я была молодой, то мне казалось, что у пожилых вообще нет личной жизни. Секса уж точно. А сейчас, мы об этом только и говорим. Как странно стареть. Кто-нибудь сейчас думает, что мы рассуждаем только о Боге, смерти и загробной жизни.

Пауза.

ДЖИН. Уилфред прав. Мы не меняемся. Маленькой девочкой меня пугало само упоминание о смерти. Сейчас то же самое. *(Вздрагивает)* Давай, поговорим о сексе.

СИССИ. Поговори с Седриком. Он пригласит тебя на один из своих сеансов. Я ходила. Несколько месяцев назад. Он вызвал духа по имени Красный Орел и спросил его, есть ли здесь кто-нибудь для Сессилии Робсон, ответ был «Нет, еще никто не прибыл» Ты не могла бы мне помочь, Джин?

Показывается Уилф из-за ширмы.

УИЛФ. Как вам? Теперь получше?
СИССИ и **ДЖИН.** Да, намного...

Уилф возвращается за ширму.

УИЛФРИД(*Рэджи*) Они одобрили.

Рэджи начинает гримироваться. Уилф приводит в порядок костюм, надевает обувь.

ДЖИН. Боже, оно тебе слишком узко, Сисси. Я не смогу его застегнуть...

СИССИ. Я же его переделала, переделала, постарайся, постарайся...

ДЖИН. Я стараюсь, но ты слишком оптимистично настроена, я не могу его застегнуть...

СИССИ. Я сниму его, я должна его расставить немного больше. О. Боже, о Боже...

(В панике она снимает платье, но внезапно останавливается и двигается к двери.)

Хорошо, я пошла. До свидания.

ДЖИН. Сисси, ты куда?

СИССИ. Домой. Разве я тебе не сказала? Я еду домой. В Порт-Саид...

ДЖИН. О чем ты?

СИССИ. Еду домой в Порт-Саид. Я давно там не была. Надеюсь, моя няня меня еще помнит. Я должна идти. До свидания, до свидания...

ДЖИН. Сисси! (*к мужчинам*) У нее кризис...

Сисси возвращается.

СИССИ. О! Как ужасно, я чуть было ушла, не попрощавшись. До свидания, Уилфред, Реджинальда. Пожелайте мне счастливого пути. Я

не могу больше откладывать, мне надо ехать в Караччи... (*Она идет к двери*)

РЭДЖ. О, Боже, если они ее поймают в таком виде...

Уилф останавливает ее.

УИЛФ. Сисси, ты не выйдешь из этой комнаты. Сегодня у нас гала-концерт в честь дня рождения Верди, Нобби уже в зале. Он сказал, что ждет — не дождется увидеть тебя.

Сисси смотрит на него взглядом.

Мы исполняем квартет, из «Риголетто». Квартет, Сисси...

СИССИ. Надеюсь, все пройдет удачно. До свидания, Я пришлю вам открытки с видом Суэцкого канала. Паруса уже подняты, мы отплываем...

АРИЯ-МОНОЛОГ СИССИ.

Машет рукой, собирается уходить...

РЭДЖ. Ей конец. Нам всем конец.

ДЖИН(*достаточно строго*). Сисси, соберись.

Сисси останавливается, смотрит на нее пустым взглядом; Джин берет ее за руки.

Держись, Сисси, дорогая, пожалуйста, держись.

Сисси молчит.

Ты никуда не едешь, ты остаешься здесь, с твоими коллегами артистами. С друзьями.

Опять нет ответа.

(*Строго*) Сисси, твой теплоход отплывает через две недели.

СИССИ. Да? (*внезапно взволнованно.*) Который час?

ДЖИН. Уже пора. Пора надеть платье.

Нелегкая пауза. Затем торопливо...

СИССИ. Да, да, да, все эти мелочи так досадны. Но я уверена, что оно мне подойдет...

Она начинает одеваться.

РЭДЖ. Еще бы чуть-чуть и...

УИЛФ. У тебя получилось, Джин.

ДЖИН. У меня был большой опыт с мамой. Только она была буйной.

Джин садиться и глядя в партитуру, слушает CD, Рэддж изучает свой грим, глядя в зеркальце.

РЭДЖ. Я хотел попросить Сисси подрисовать мне бороду и усы.

УИЛФ. Почему бы и нет. Пусть почувствует себя нужной.

РЭДЖ(подходя к Сисси; осторожно) Я не хотел бы отвлекать тебя, но когда ты освободишься, ты не могла бы мне помочь?

СИССИ. Сейчас, сейчас...

Продолжает зашивать платье. Уилф смотрит на Рэджи, который накладывает последние мазки на свой грим.

УИЛФ. Я солгал.

РЭДЖ. В чем?

УИЛФ. Я изменил Мелиссе. Один раз. С проституткой в Амстердаме. Нет, два раза. С другой проституткой в Гамбурге. (Обрывает себя...) Мелисса ничего не узнала. Правда, спросила, почему я в тот день трижды мылся в душе? (Маленькая пауза.) Ты изменял Джин? Из-за этого от тебя она ушла?

РЭДЖ. Я бы не хотел обсуждать этот вопрос, если ты не возражаешь. Прости.

УИЛФ. Да, готов поклясться, что ты был хорошим жеребцом, только втихую. Это напомнило мне, что лучше бы мне подложить кое-

что, пока я не забыл...

Он достает из сумки три носка, кусочек бумажки выпадает из них.)

Добрый день...

(Он разворачивает бумажку.)

(Он ее разворачивает.) Я сейчас умру. Рэджи, помнишь, я говорил тебе, что у меня есть мысль об искусстве?

РЭДЖ. нет.

УИЛФ. Говорил...

РЭДЖ. Когда?

УИЛФ. Не знаю когда, несколько лет назад, вчера, прошлым месяцем, я не знаю. Ты сказал, что во мне есть что-то удивительное...

РЭДЖ. Это правда...

УИЛФ. Слушай. *(Читает.)* «Искусство бессмысленно, если оно не волнует».

Рэддж думает над этим.

РЭДЖ. Можно взглянуть?

Уилф протягивает ему записку...

«Искусство бессмысленно, если оно не заставляет тебя чувствовать». Это очень красиво, Уилф.

УИЛФ. Спасибо.

РЭДЖ. И я верю, что это правда... Видишь? Я был прав. У тебя действительно проницательный ум. Что толку, если искусство умно, оригинально, стильно, когда оно не волнует? *(Он прикасается к своей груди)* Эрнст Ньюман прав. Поэзия — это просто уход в сторону. Я должен вставить это в свою вступительную речь.

УИЛФ. *(приподнимая подол своего камзола)* Ну? Разве я не похож на настоящего мужчину?

РЭДЖ. Прекрати, это пошло.
СИССИ. Попробуй снова...

Она влезла в платье, и Джин опять помогает ей. В это время:

УИЛФ (из-за ширмы). Сисси, ты готова? Мы опаздываем...

СИССИ. Минуточку... (Джин.) Ну?

ДЖИН (пытается застегнуть платье) Вот.

СИССИ. Слава богу. (Она спешно скрывается за ширмой)

УИЛФ. Сначала Рэдж.

РЭДЖ. Я бы хотел, чтобы ты нарисовала бороду и усы.

СИССИ. С удовольствием. (Гримирует его.)

Уилф бродит вокруг ширмы. Джин слушает и нашептывает... Уилф садится рядом с ней. Она сердито выключает плеер и снимает наушники.

ДЖИН. Я пытаюсь сосредоточиться. Не мог бы ты сесть где-нибудь еще.

УИЛФ. Мне хотелось поболтать.

ДЖИН. О чем?

УИЛФ. О наших палках. Я думаю, что нам надо постараться играть без них.

ДЖИН. Я не уверена, что смогу. У меня сегодня разболелось бедро...

УИЛФ. И я не уверен, смогу ли. Но я думаю, что мы должны постараться. Это было бы достойнее. Романтичнее. Это как... ты стоишь за кулисами и хочешь в туалет, а вышел на сцену и все забыл.

Джин встает, делает без палки несколько шагов.

ДЖИН. Я могу о тебя опереться.

УИЛФ. Обопрись о Реджи, это будет надежней. И ему будет приятно. Он тебя обожает.

ДЖИН. Неужели?

УИЛФ. Конечно. Думаю, что Рэджи не переставал тебя любить никогда.

ДЖИН. Откуда ты знаешь? Он сам сказал?

УИЛФ. Нет. Но у меня проницательный ум.

Как это странно, строить теперь свое будущее с Рэджинальдом Пейджем. *(Она опять погружается в музыку.)*

УИЛФ. Интересно, чем мы займемся, когда это все закончится?

Он напевает что-то про себя. Сисси пудрит Рэджи.

СИССИ. Вот. Очень хорошо. Посмотри, как тебе?

Рэджи глядит в зеркало.

РЭДЖ. Великолепно. Ты настоящий художник, Сисси.

СИССИ. Спасибо. И, знаешь Рэджи, ты не должен бояться, это никогда не поздно. Просто думай об Эйфелевой башне.

Рэджи глядит на нее в страшном смущении.

А если не получится, то есть один человек в Мадрасе, который готовит волшебное зелье. *(Она отходит от него.)* Тебе что-нибудь нужно, Уилф?

УИЛФ. Все, как обычно. Хотя, и грим ты мне можешь подправить, если, конечно, хочешь...

СИССИ. *(она внимательно осматривает его лицо)* Хорошо, но только, если ты сядешь себе на руки. Я тебя знаю.

Она подправляет ему грим.

ДЖИН. А я попробую ходить без палки. Я сделала это, когда вошла в ложу в Ковент-Гарден. Я рассказывала вам? Мне аплодировали стоя.

РЭДЖ. Эй, поторопитесь. Мне кажется, мы следующие.

Джин, прихрамывая, переходит на мужскую сторону ширмы и встречается лицом к лицу с Рэджи.

РЭДЖ. Ты очень красивая, Джин.

ДЖИН. И ты замечательно выглядишь.

РЭДЖ. И скоро мы будем молоды опять.

ДЖИН. Поживем-увидим.

Яркий луч прожектора. Рэдж вступает в него. Он кланяется. Аплодисменты. Свист. Рэдж надевает очки и достает свои записи. Руки у него дрожат.

РЭДЖ. Дамы и господа!..

Голос Бобби Свансона. Где гитарист из Индии?

Смех.

РЭДЖ. Успокойся, Бобби, он здесь, дорогой. Дамы и господа. Сегодня трое моих коллег и я надеемся начать новую традицию в этом доме.

Голос Бобби Свансона. Какую? Петь хором?

Громкий смех в зале.

РЭДЖ. Мы хотим перенести вас в прошлое, когда наши голоса были сильными и, я осмелюсь сказать, красивыми. Мы пришли к решению, после долгих споров и обсуждений, что мы не изменились. В душе, по крайней мере. А душа наша проявлялась сильнее всего, когда мы пели. Когда мы занимались тем, что делали лучше. Итак, сегодня вечером, 10 октября, в день рождения Джузеппе Верди, мы хотим напомнить вам, на что мы когда-то были способны, и что мы записали много лет назад. Я надеюсь, что это вас взволнует, не мы, но великая музыка, ибо искусство бессмысленно, если оно... *(в панике ищет записку)*... искусство бессмысленно... бессмысленно...

УИЛФ*(шепчет сзади)* Если оно не волнует.

РЭДЖ....да, если оно не может взволновать. Итак, пришло время представиться. Я исполняю роль Герцога Мантуи, а в роли Риголетто мы будем иметь счастье видеть знаменитого баритона, соперника Титто Гоби, мистера Уилфреда Бонда.

Уилф прихрамывая, выходит, кланяется под гром аплодисментов. Когда он выпрямляется...

Голос Бобби Свансона. Смотрите, это Квазимодо!

УИЛФ. Бобби, если ты не заткнешься, я спущусь и отшлепую тебя.

Голос Бобби Свансона. Да, пожалуйста...

Крики восторга.

УИЛФ. Доктор Коган, Вы не могли бы дать ему каких-нибудь ваших пилюль?

Голос Бобби Свансона. Гомофоб!

УИЛФ. Гетерофоб!

Аплодисменты. Смех. Рэджи выжидает, когда зал успокоится.

РЭДЖ. В роли Магдалены, наша дорогая, наша любимая, очаровательная Сесилия Робсон.

Сисси выходит вперед и делает реверанс под восторженные крики и аплодисменты.

И, наконец, одна из величайших звезд оперного небосклона, в роли Джильды, несравненная Джин Хортон.

Джин выходит, с большим трудом делает реверанс. Крики. Овация в зале.

Дамы и господа, квартет из третьего действия, сцены первой, Риголетто, великого маэстро Джузеппе Верди.

Он подает сигнал за кулисы. Звучит запись квартета, начиная с арии герцога. Рэджи мимирует под фонограмму. Когда настает черед следующего, тот делает тоже само вслед за записью. Рэджи, Уилф, Сисси и Джин самозабвенно отдаются музыке, игре и выглядят очень убедительно.

Триумф. Их вызывают на поклоны. И когда они кланяются в последний раз, свет гаснет.

ЗАНАВЕС